

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ТЕПЕРЬ ТЫ ЕЕ ВИДИШЬ

ХЭЙДИ ПЕРКС

Хейди Перкс
Теперь ты ее видишь
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42539044
Теперь ты ее видишь: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-108312-0

Аннотация

Когда Шарлотта отвернулась, четверо детей, трое из которых были ее собственными, играли на празднике.

Когда она вновь повернула голову, из четверых остались трое. Четвертая – дочь ее лучшей подруги – бесследно исчезла.

Теперь их городок полнится страхами и слухами. Гарриет убита горем, Шарлотта – чувством вины. Однако полиция, ведущая дело об исчезновении малышки, начинает подозревать: и Гарриет, и ее муж, и Шарлотта что-то скрывают.

Но кто из них виновен в похищении девочки?

И главное, что же все-таки с ней произошло?..

Содержание

История Шарлотты

8

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Хейди Перкс

Теперь ты ее видишь

Heidi Perks

NOW YOU SEE HER

© Heidi Perks, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Сейчас

– Мое имя Шарлотта Рейнолдс. – Я наклоняюсь вперед, когда говорю в микрофон, хотя сама не знаю, зачем. Возможно, мне просто необходимо хотя бы произнести свое имя как можно яснее. Протянув руку к стакану перед собой, я сжимаю его кончиками пальцев, медленно вращая против часовой стрелки, наблюдая, как вода внутри колыхается крошечными волнами. Я даже не осознаю, что затаила дыхание, пока не выпускаю воздух шумным выдохом.

Часы на голой белой стене напротив мигают яркими красными цифрами. 21.16. Мои дети сейчас будут в постели. Том сказал, что останется на ночь и ляжет спать в свободной комнате. «Не волнуйся, – сказал он мне, когда я звонила ему ранее. – Я не уйду никуда, пока ты не вернешься домой». Это

не то, о чем я волнуюсь, но я не стала об этом говорить.

Дом кажется сейчас таким далеким от этой душной выбеленной комнаты с тремя стульями, столом и магнитофоном, установленным на одном конце стола, и мне интересно, как долго я пробуду здесь. Как долго они могут держать меня, прежде чем решить, что делать дальше? С самого праздника я боялась оставлять своих детей. Я бы сделала всё, чтобы укладывать их в кровати прямо сейчас, вдыхать их знакомые запахи и читать им еще одну историю, которые они всегда просят.

«Они не задержат тебя там, да?» – спросил меня Том по телефону.

«Нет, они просто хотят задать мне несколько вопросов». – Я отмахнулась от факта нахождения в полицейском участке, как от чего-то незначительного. Я не сказала Тому, что женщина-детектив спросила, хочу ли я, чтобы кто-то присутствовал со мной, а я отказалась и заверила ее как можно искреннее, что мне никто не нужен, поскольку я охотно расскажу, что знаю.

Мои пальцы начинают подрагивать, и я отдергиваю их от стакана и прячу под столом, плотно сжимая, стараясь разогнать кровь в них.

– Итак, Шарлотта, – детектив неторопливо растягивает слова. Она спросила, может ли называть меня по имени, но не предложила подобной привилегии взамен. Я знаю – ее зовут Сюзанна, потому что она много раз сказала это на запись,

но, видимо, она понимает, что я не буду ее так называть. Не после того, как она представилась – «детектив-инспектор Роулингс». Это маленькая деталь, но она напоминает, кто здесь главный.

Мое дыхание застревает в горле, пока я жду, когда она спросит меня, что я делала там сегодня вечером. Во многих отношениях правда будет удобным выбором. Интересно, если я скажу ей, позволит ли она мне уйти домой к моим детям.

Детектива прерывает стук в дверь, и она смотрит, как полицейская-офицер засовывает голову в комнату.

– Инспектор Хейз едет из Дорсета, – говорит офицер. – Время прибытия – три часа.

Роулингс кивает ей в знак благодарности, и дверь снова закрывается. Хейз является старшим следователем в деле Алисы Ходдер. Он стал постоянным элементом моей жизни за последние две недели. Интересно, означает ли это, что меня будут держать здесь, пока он не прибудет? Я допускаю, что он захочет поговорить со мной. Мысль о том, что я могу просидеть в этой комнате еще три часа, делает эти стены еще теснее. Я не припоминаю, чтобы когда-либо страдала клаустрофобией, но прямо сейчас ощущение ловушки вызывает легкое головокружение, у меня темнеет в глазах, и я моргаю, пытаюсь приспособиться.

– Вы в порядке? – спрашивает детектив Роулингс. Ее слова звучат грубо. Они создают впечатление, что ее разозлило бы, если бы это оказалось не так. У нее крашенные свет-

лые волосы, стянутые сзади в тугий узел, демонстрирующий черные корни. Она выглядит молодо, не больше тридцати, и нанесла слишком много ярко-красной помады на свои очень полные губы.

Я прижимаю руку ко рту и надеюсь, что чувство тошноты пройдет. Я киваю и тянусь к стакану с водой, чтобы сделать глоток.

– Да, – говорю я. – Спасибо, со мной всё будет хорошо. Я просто чувствую себя немного нездоровой.

Детектив Роулингс поджимает красные губы и откидывается назад на стуле. Она никуда не торопится. Возможно, она хочет показать, что события этого вечера нарушили ее планы, но паузы, долгие, как беременность слона, выдают, что у нее нет никаких дел получше.

– Итак, – она начинает снова и задает свой первый вопрос, но не тот, который я ожидаю. Вместо него я слышу: – Давайте начнем с того, что вы расскажете мне, что произошло тринадцать дней назад. В день праздника.

История Шарлотты

Некоторое время назад

Шарлотта

На исходе десятого часа утра в субботу в дверь позвонили, и я знала, что это Гарриет, потому что она никогда не опаздывала ни на минуту. Я вышла из ванной, всё еще в пижаме, когда раздался второй звонок. Откинув занавески, чтобы убедиться, я увидела Гарриет, топтавшуюся на пороге, крепко обхватывающую рукой плечо своей дочери, стоящей рядом. Она что-то говорила Алисе, наклонив голову вниз. Маленькая девочка кивнула, повернулась и прильнула лицом к животу матери.

Крики моих собственных детей раздались с нижнего этажа. Два девичьих голоса старались друг друга переорать. Сейчас Эви заглушала Молли своим постоянным, пронзительным нытьем, а пока я бежала вниз по лестнице, Молли заплакала, а ее младшая сестра замолчала.

– Вы, обе, перестаньте орать! – закричала я, когда спустилась. Мой старший, Джек, не обращая ни на кого внимания, сидел в игровой комнате в наушниках, погруженный в игру на айпаде, который я просила Тома никогда ему не покупать.

Как я иногда завидовала способности Джека замкнуться в своем собственном мире... Я подобрала Эви с пола, вытирая рукой ее мокрое лицо и очищая от мармелада, размазанного вверх от обоих уголков рта:

– Ты выглядишь, как Джокер!

Эви уставилась на меня. В три года она всё еще была ужасно капризной, как двухлетняя. К счастью, она по крайней мере перестала вопить и теперь пинала одной ногой другую.

– Давай-ка будем вести себя хорошо ради Алисы, – сказала я, открывая дверь. – Привет, Гарриет, как поживаешь? – Я присела рядом с Алисой и улыбнулась девочке, которая по-прежнему зарывалась лицом в мамину юбку. – Ты предвкушаешь сегодняшний школьный праздник, Алиса?

Я не ожидала ответа, но всё равно старалась. Кроме того, как только Молли возьмет ее под свое крыло, Алиса будет счастлива следовать за ней, как щенок. В свою очередь, моя шестилетка будет парить в воздухе с видом самоуверенного превосходства оттого, что наконец-то младший ребенок смотрит на нее снизу вверх.

– Еще раз спасибо за сегодня, – сказала Гарриет, когда я выпрямилась.

Я наклонилась вперед и чмокнула ее в щеку.

– Всегда пожалуйста. Ты же знаешь. Я потеряла счет, сколько раз просила тебя позволить мне взять Алису, – улыбнулась я.

Правая рука Гарриет играла с оборкой на юбке, сминая

ее и затем снова растягивая, и на мгновение я задержала на этом взгляд. Я ожидала, что она будет тревожиться. Я даже думала, что она может всё отменить.

– Но с четырьмя детьми, ты уверена... – начала она.

– Гарриет! – отрезала я. – Я более чем счастлива взять Алису на праздник. Пожалуйста, не волнуйся об этом.

Гарриет кивнула:

– Я уже намазала ее кремом от солнца.

– О. Это хорошо. – Я вспомнила, что теперь мне нужно найти противосолнечный крем для себя самой. А он у меня есть?

– Ну, здесь так жарко, и я не хочу, чтобы она обгорела... – Она мялась, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты с нетерпением ждешь своих курсов сегодня, не так ли? – напомнила я. – Только по тебе не скажешь. Ты должна понимать: это именно то, что тебе необходимо.

Гарриет пожалала плечами и посмотрела на меня с отсутствующим видом.

– Это бухгалтерия, – безучастно сказала она.

– Я знаю, но это то, чем ты хочешь заниматься. Здорово, что ты планируешь свое будущее!

Я говорила искренне, хотя изначально была недовольна тем, что она выбрала бухгалтерию. Я пыталась убедить Гарриет пойти на курсы садоводства, потому что из нее получился бы блестящий садовник. Я могла представить ее объезжающей город на собственном маленьком фургоне и пред-

лагала даже сделать веб-сайт для нее. Гарриет как будто задумалась над этой идеей, но в конце концов ответила, что садовникам платят не так много.

«Ты могла бы оформить мой сад для меня, – заметила я. – Мне нужно, чтобы кто-то пришел и помог мне с новыми идеями. Я бы...» – Я резко остановилась, потому что собиралась сказать, что заплачу ей больше, чем текущая ставка, но знала, что мои добрые намерения не всегда принимаются правильно, когда дело доходит до денег.

«Как насчет преподавания? – спросила я вместо этого. – Ты сама знаешь, каким будешь чудесным учителем. Достаточно взглянуть, какой ты была с Джеком, когда я впервые встретила тебя».

«Мне придется самой учиться, чтобы стать учителем, и это не даст мне работу к сентябрю», – Гарриет отвела взгляд. Я знала ее достаточно хорошо, чтобы понять, когда остановиться.

«Тогда бухгалтерия, – улыбнулась я, – и ты в этом будешь так же великолепна». Даже без моих советов Гарриет, по крайней мере, думала о том времени, когда Алиса пойдет в школу и она сможет сосредоточиться на чем-то для себя. У меня есть еще два долгих года до тех пор, когда Эви подрастет и я сумею вернуть некоторое подобие карьеры вместо работы двух дней в неделю на двадцатилетнего выскочку, который когда-то был моим подчиненным.

– О, я не собрала корзинку для пикника и всё такое, –

неожиданно сказала Гарриет.

– Я не заморачиваюсь с этим, – энергично рассекла я воздух рукой. – Мы сможем найти что-нибудь там. Родительский комитет вкладывает больше в пищевые палатки, чем куда-либо еще, – пошутила я.

– Хорошо, – Гарриет кивнула, но не улыбнулась и через мгновение добавила: – Позволь мне дать тебе немного денег.

– Нет, – твердо возразила я, надеюсь, не слишком резко. – Нет необходимости, позволь мне сделать всё самой.

– Но это не проблема.

– Я знаю, что это не проблема, – я улыбнулась. – Но пожалуйста, позволь мне так сделать, Гарриет. Девочки в нетерпении. Алиса присоединится к нам, и у нас получится отличный день. Пожалуйста, не беспокойся о ней, – повторила я, протягивая руку, хотя она ее и не пожалала, не заметив.

Гарриет наклонилась и притянула к себе дочь для объятий, и я смотрела, как девочка млеет на ее груди. Я сделала шаг назад, чувствуя, что должна дать им побольше места. Связь Гарриет с ее дочерью была такой тесной, что казалось, между ними намного больше чувств, чем у меня со всеми моими детьми. Но я также знала, что для нее это большое дело сегодня. Потому что, хотя Алисе исполнилось четыре, Гарриет никогда не оставляла свою дочь ни с кем до сегодняшнего дня.

Я была в восторге, когда впервые оставила Эви на ночь с моей подругой Одри, а малышке исполнилось всего два ме-

сяца. Мне пришлось уговаривать Тома на совместный поход в паб, и хотя мы были дома уже к половине десятого, а я вырубилась на диване через полчаса, оно того стоило, чтобы спокойно выспаться ночью.

– Я люблю тебя, – прошептала Гарриет в волосы Алисы. – Я так сильно тебя люблю. Будь хорошей девочкой, ладно? И береги себя. – Она всё обнимала дочь, крепко обхватив ее руками. Когда она наконец отстранилась, то мягко взяла лицо Алисы в ладони и нежно прижалась губами к ее носу.

Я неловко ожидала на пороге, пока Гарриет в конце концов не совладеет с собой и не встанет.

– Ты хочешь пойти и поиграть с Молли в ее комнате, прежде чем мы отправимся на праздник? – спросила я Алису, а потом повернулась к Гарриет. – Ты по-прежнему желаешь, чтобы я доставила ее тебе домой в пять?

Гарриет кивнула.

– Да, спасибо, – сказала она, не в силах распрощаться.

– Пожалуйста, перестань благодарить меня, – я улыбнулась. – Я твоя лучшая подруга, иначе зачем я нужна. – Больше того, я сама хотела, чтобы Алиса побыла со мной, Гарриет достаточно помогала мне за последние два года. – Ты знаешь, что можешь мне доверять, – добавила я.

Но тогда, возможно, мы немного больше нервничали, чем обычно, с тех пор как в прошлом октябре из парка похитили мальчика. Ему было девять – столько же, сколько и Джеку в то время, – и это произошло всего лишь на другой сторо-

не Дорсета. Достаточно близко, чтобы мы все чувствовали угрозу, и до сих пор никто не знал, зачем его забрали и что с ним случилось.

Я потянулась и слегка сжала ладонь своей подруги.

– Не беспокойся, – сказала я. – Я о ней хорошо позабочусь.

И наконец Гарриет сошла с моего крыльца, а я взяла Алису за руку и повела в прихожую.

– Если я понадобится, у тебя есть мой номер, – произнесла Гарриет.

– Я позвоню, если возникнут проблемы. Но их не будет, – добавила я.

– Брайан рыбачит; у него есть с собой телефон, но он редко отвечает на звонки.

– Хорошо, я свяжусь с тобой, если потребуется, – пообещала я. У меня всё равно не имелось номера Брайана, как и никаких причин иметь его. Я хотела, чтобы Гарриет поскорее ушла. Я всё ещё была в пижаме и стеснялась этого. А Рэй из дома напротив как раз косил свою переднюю лужайку, мучительно медленно проходя полосу.

– Гарриет, ты опоздаешь! – сказала я, решив, что сейчас нужно говорить потверже, иначе я до конца дня буду наблюдать, как она колеблется у моего порога.

Когда Гарриет в конце концов ушла, я закрыла дверь и глубоко вздохнула. Было время, когда я говорила Тому, что

Рэй подглядывает за мной, и мы смеялись над этим. Это происходило давненько, и меня ранило то, что мне не с кем поделиться такими моментами с тех пор, как мы расстались.

– Рэй застучал меня одетой в пижаму, – улыбаясь, сказала я Джеку, когда он выглянул из игровой комнаты.

Сын удивленно уставился на меня.

– Можешь принести мне сок?

Я вздохнула.

– Нет, Джек. Тебе десять. Ты можешь сам взять свой сок и заодно поздороваться с Алисой, будь любезен.

Джек посмотрел на Алису так, словно никогда ее раньше не видел.

– Привет, Алиса, – произнес он перед тем, как исчезнуть в кухне.

– Ну, боюсь, это лучшее, что от него сейчас можно добиться, – я улыбнулась Алисе, которую Молли уже взяла за руку и вела вверх по лестнице. – Так, народ, я пойду приму душ, а потом мы будем готовиться к празднику! – крикнула я, но мои слова были встречены молчанием.

Когда я добралась до спальни, мой мобильный зазвонил и на экране высветился номер Тома.

– Мы договорились в семь вечера, – сказала я, приняв вызов.

– Что? – орал он, перекрикивая шум машин.

Я вздохнула и пробормотала себе под нос, что кое-кому давно пора поставить чертову автомобильную крышу. И за-

одно купить слуховой аппарат.

– Я сказала – в семь вечера! – повысила я голос. – Предполагаю, ты забыл, во сколько ты сегодня придешь посидеть с детьми?

Хотя я говорила ему об этом только вчера.

– На самом деле я просто хотел проверить, что точно тебе нужен.

Я зажмурила глаза и стиснула зубы.

– Да, Том, я всё еще планирую прогуляться.

Я не часто его просила; я никуда не выходила достаточно долго, чтобы позволить себе это. За два года, прошедшие с нашего расставания, я постепенно поняла, что мне не нужно демонстрировать ему напоказ, как я весело живу, ведь большую часть времени это было всё равно не так. Теперь мне достаточно комфортно в своей одинокой жизни, чтобы идти куда-то только тогда, когда я сама желаю. Хотя, если честно, я не особо стремилась выпивать с соседями сегодня, но и не собиралась доставлять Тому удовольствие обломать меня в последнюю минуту.

– Просто кое-какой аврал на работе. Я не то чтобы должен ехать, но будет выглядеть лучше, если появлюсь там.

Я провела рукой по глазам и мысленно простонала. Я знала, на что будет похожа моя ночь: неловкий разговор за слишком большим количеством вина с соседями по улице, с которыми у меня мало общего. Тем не менее надо сходить. Не только потому, что обещала, но я проигнорировала их в

прошлый раз, когда у них была вечеринка с напитками, и, кажется, в позапрошлый тоже.

– Ты сказал мне, что свободен, – заявила я категорически.

– Я знаю, и я всё-таки приеду, если по-настоящему тебе необходим. Дело просто в том, что...

– Ох, Том, – я вздохнула.

– Я не включаю заднюю, если ты всё ещё во мне нуждаешься. Я просто проверял, действительно ли ты хочешь пойти, вот и всё. Обычно ты этого не хочешь.

– Да, я хочу пойти! – огрызнулась я, ненавидя то, что он по-прежнему так хорошо меня знает. Я не заполучила бы эту стычку, если бы воспользовалась услугами няни, но я знала, что дети любят его и будут очень рады.

– Хорошо, хорошо, я буду у вас, – сказал он. – В семь часов.

– Спасибо. И свою бери, – произнесла я прежде, чем спохватилась. Я знала, что он никогда не приведет свою новую девушку; он даже до сих пор не представил ее детям.

– Шарлотта, – сказал он, – ты знаешь, что не должна это говорить.

– Я просто хотела проверить, – резко сказала я перед тем, как бросить трубку и почувствовать себя раздражающе виноватой. Мне не следовало так говорить, потому что, хотя Том взбесил меня, отцом он был прекрасным. И мы расстались на удивление хорошо.

Когда я регулировала воду, то пыталась не думать о том,

почему была оглушена последними новостями о его отношениях. Но не так, как если бы хотела его вернуть. Пятнадцать лет брака не закончились из-за пустой прихоти; к тому времени мы постепенно выросли в разные стороны друг от друга, если так можно сказать. Может, мне просто не нравились перемены, подумала я, вставая под душ. Возможно, я слишком привыкла к спокойному и легкому течению моей жизни.

Поездка в школу заняла у нас десять минут, через нашу деревню Чидденфорд по направлению к окраине, где маленькие зеленые домики и старомодные магазинчики сменяются обширными пространствами сельской местности. Школа Сент-Мэри своими землями могла бы посоперничать с некоторыми из тех закрытых частных школ. На противоположной от школы стороне дороги раскинулась внушительная спортивная площадка, переходящая в парк.

Именно здесь я впервые повстречала Гарриет, пять лет назад, когда она работала помощником учителя. Я всегда думала, что она в конечном счете отправит Алису в эту школу, но ездить от их дома было бы кошмаром. Досадно, потому что Алиса обрела бы больше уверенности, имея подружку Молли двумя годами старше.

Было уже за полдень к тому времени, когда мы наконец прибыли на праздник, присоединившись к длинной веренице машин, оккупировавших угол поля, который огородили под временную автостоянку.

Под яркими цветными флажками, натянутыми через въезд, Гейл Тернер махала машинам, показывая, куда встать, как будто управляла всей школой, а не только родительским комитетом. Когда она увидела меня, то жестом показала опустить ветровое стекло, ярко сияя белоснежными зубами на солнце.

– Привет, милая, повезло нам сегодня с погодой, не правда ли? – сказала она мне через открытое окно. – Я чувствую себя так, словно получила персональное благословение.

– Очень повезло, Гейл, – подтвердила я. – Могу я где-нибудь припарковаться?

Внедорожники и минивэны, вроде моего, уже протискивались в тесные пространства, из которых они вряд ли могли бы легко выбраться.

– Почему здесь так много народу?

– Моя реклама, вероятно, – просияла она. – Я пыталась поговорить с как можно большим числом родителей, чтобы убедиться, что они придут.

– Так где мне можно встать? – спросила я снова, сверкнув своей собственной настойчивой улыбкой в ответ.

– Подожди, моя милая, дай посмотреть, смогу ли я найти тебе VIP-место. – Она отвернулась от окна, а я закатила глаза перед Джеком, сидящим рядом со мной. Когда Гейл повернулась обратно, то указала на место в дальнем конце.

– Вставай там, – она улыбнулась. – Никто не будет блокировать вас.

– Спасибо, Гейл, – сказала я, медленно трогаясь. Всё же дружба с ней имела некоторые преимущества.

Это был самый жаркий день из всех, когда-либо наблюдавшихся в мае, сообщил диджей по радио тем утром. Когда я вылезла из машины, розовый сарафан, выдернутый мной из гардероба, уже начал врезаться в кожу под мышками, и я пожалела, что не надела шлепанцы. Подняв волосы вверх, я стянула их в «конский хвост» и нашарила в сумке солнцезащитные очки, протирая царапину на одной из линз перед тем, как надеть их. Обещая себе, что посмотрю, где футляр, когда вернусь домой. «Солнцезащитные очки за сто пятьдесят фунтов не должны просто валяться на дне твоей сумки», – вздохнула однажды Одри, и я согласилась с ней, но всё же я понятия не имела, где футляр.

– Мамочка! Мне нужно в туалет! – закричала Эви, как только мы вышли на поле.

– Ох, Эви, ты, должно быть, шутишь, – пробормотала я, выхватывая край своего платья у нее из рук. – И пожалуйста, не дергай меня за одежду, дорогая. – Я подтянула верх сарафана обратно и опустила глаза, чтобы посмотреть, не выглядывает ли теперь мой лифчик. – Я просила тебя не делать этого.

– Но мне нужно сходить! Я могу пойти сама.

– Нет, Эви, на самом деле не можешь, – вздохнула я. – Тебе только три года.

– Я могу пойти с Джеком.

Я обернулась к Джеку, который прохладился позади меня, по-прежнему уткнувшись в айпад, насупив брови для лучшей концентрации, пока сражался с драконами. В свои десять он достиг серьезных навыков стряхивания, постукивания и смахивания всего, что представляло угрозу. Я понимала, что должна заставлять его тратить меньше времени на гаджеты. Мне даже говорили, что такие увлечения отнюдь не способствуют столь необходимой ему социализации, но, несмотря на всё это, я также знала, что Джек был больше всего счастлив, когда находился в своем собственном личном мире.

Он так напоминал Тома густыми темными волосами и манерой прищуривать глаза, когда пытался казаться крутым. Я улыбнулась ему, хотя он не обратил на меня никакого внимания, а когда повернулась обратно к Эви, поняла, что потеряла из виду двух других.

– А где Молли и Алиса? Они обе были здесь только что. Эви! – вскрикнула я. – Куда пропали Молли с Алисой?

Эви показала пухлым пальцем на лоток с пирожными.

– Туда.

Я выдохнула с облегчением, когда увидела, как они с напускным безразличием разглядывают посыпанные сахарной пудрой самодельные сладости, которые были доставлены сотнями мамаш. Моя дочь крепко сжимала Алису за руку и разговаривала с ней, показывая на пирожные, как будто собираясь дотянуться и взять одно.

– Девочки! От меня не отходить! – крикнула я.

Потоки людей плыли к прилавкам и обратно, и Молли с Алисой на мгновение скрылись за семейством – чей-то огромный папаша в футболке с надписью «Лос Поллос Чикен» и его столь же крупная жена, запихивающая пончик в рот. Я присела напротив лотка со сладостями, сквозь чужие ноги высматривая детей, топтавших позади пары.

– Молли! Возвращайтесь сюда, немедленно!

Обе девочки наконец показались. Тем временем Эви прыгала с одной ноги на другую и снова дергала меня за платье.

– Когда мы сможем получить сахарную вату? – спросила Молли, подойдя. – Я умираю с голода.

– И теперь мне очень, очень нужен туалет, мамочка! – выпалила Эви, топнув розовой туфелькой по траве. – А-а-а! У меня грязь на ногах! – заорала она, дергая ногой и пиная меня в голень.

– Это просто немного земли, и я говорила тебе, что такие туфли будут не самой практичной обувью для поля, – сказала я, вытирая грязь с ее ноги и своей голени. – И постарайся следить за тем, что ты делаешь, Эви. Ты ударила мамочку.

– Я грязная! – завизжала Эви, падая в истерике на траву. – Мне нужно в туалет!

Я оглядывалась вокруг и молилась, чтобы никто не заметил. Несколько мамочек взглянули в мою сторону, но быстро отвернулись. Я чувствовала, как у меня горят щеки, пока я быстро решала – сделать вид, что ухожу, и оставить Эви

извиваться на земле, или поднять ее и сдаться, чтобы сохранить лицо.

– Ох, Эви, – я вздохнула. – Мы пойдем за дерево. – Я махнула рукой в сторону поля.

Глаза Эви мгновенно высохли и засияли.

– Но делай это незаметно. Старайся не привлекать к нам внимания, – сказала я, потянув ее к деревьям. – А затем мы сходим и купим сахарную вату! – крикнула я назад. – И можем пойти к надувным башням потом, все согласны?

Если они и ответили на вопрос, я не услышала их из-за шума толпы.

Несмотря на то что у меня начала побаливать голова, я заказала себе кофе в палатке с сахарной ватой. Как-то неуместно брать стакан сидра, когда за тобой наблюдают четверо детей, а кофе был почти наилучшим выбором. Сразу после сидра.

Я огляделась и помахала рукой подругам, которых заметила вдалеке. Одри ковыляла по полю, обутая в нелепые бононожки на высоком каблуке. Ее волосы были заколоты высоко на голове, плечи покрывала наброшенная шаль, а длинная атласная юбка развевалась позади, когда она шла. Одри была одета совершенно неподходяще ни для погоды, ни для школьного праздника, но ее это не тревожило. Она помахала мне в ответ, улыбаясь и показывая на всех детей, столпившихся рядом со мной, с видом шутливого ужаса. Я пожала

плечами, как будто мне было всё равно, что я одна с таким количеством детей.

Я увидела Карен и с трудом удержала улыбку. Она стояла возле пивной палатки, драматически размахивая руками, и, несомненно, отчаянно старалась привлечь внимание своего мужа, который, судя по всему, пытался спрятаться, но никогда не мог сделать это надолго.

– Ну что, теперь на батуты? – спросила я, когда все дети со счастливым видом ковырялись в липкой розовой вате.

Мы неторопливо пошли к дальней стороне поля, на которой я могла разглядеть макушку надувной горки.

– Смотрите, какая большая!

– Я хочу пойти на эту вместо той! – Глаза Молли расширились, когда она показала на огромное надувное сооружение, протянувшееся до самого края поля. Оно было ярко-зеленым, с надувными пальмами, покачивающимися на вершине, и с надписью «Джунгли зовут!», наклеенной на боку. Молли подбежала заглянуть в его сетчатые окна, и даже Джек вслед за ней подошел поближе.

– Это потрясающе! – воскликнула Молли. – Алиса, иди сюда и посмотри!

Алиса осторожно приблизилась к ней сзади и глянула в окно. Я сердцем прислушивалась к Алисе, которая, как это часто бывало, казалась готовой согласиться с тем, что решили другие. А мне иногда хотелось, чтобы она выразила собственные желания. Я редко понимала, довольна ли она или

просто не имеет уверенности сказать иначе.

– Мам, нам можно сюда? – спросил Джек.

– Да, конечно, можно. – Такую штуку я и сама любила бы в детстве и веселилась бы, затаскивая в нее свою сестру.

Алиса отступила назад и взглянула на меня.

– Тебе не обязательно идти с ними, если ты не хочешь, – сказала я.

– Конечно, ты этого хочешь, разве не так, Алиса? – капнула ей на мозги Молли.

– Молли, она может сама принять решение. Своим умом. – Я вытащила кошелек, чтобы пересчитать мелочь. – Ты предпочла бы остаться со мной? – спросила я Алису.

– Я сюда не пойду! – перебила Эви. – Я пойду на ту горку.

– Ты хочешь на горку вместе с Эви, Алиса?

– Нет, я пойду с Молли, – произнесла она очень тихо, и я поняла, что это были первые слова, которые Алиса сказала мне за весь день.

– Хорошо, тогда держитесь все вместе. Джек, присмотри за девочками, ладно? – Я обращалась к нему, хотя и сомневалась, что он меня слышит. Он был уже одной ногой в «Зовущих Джунглях».

Я заплатила деньги чьей-то маме при аттракционе, которую не узнала, а когда обернулась, они все исчезли из виду.

– Пойдем, мамочка! – Эви снова потянула меня за платье.

– Пять минут, Эви, – сказала я. – У них есть на это пять минут, а потом мы пойдем на твою горку. – Мне нужно бы-

ло посидеть в тенечке. Моя голова начинала раскалываться, и кофе не прибавил здоровья. – Давай пока сходим посмотрим, как готовят магическое шоу, а после, я обещаю, сразу на горку.

Эви была поглощена наблюдением за фокусником, а это означало, что она минутку помолчит. Я вытащила телефон из сумки и по привычке проверила сообщения, прочитав эс-эмэску от соседа насчет сегодняшней вечеринки – всем приходиться вокруг со двора, чтобы не потревожить ребенка.

Я просмотрела электронную почту и нажала на ссылку, перейдя на «Фейсбук» и прочитав какой-то глупый тест, а затем просто начала пролистывать посты – кусочки чьих-то жизней.

Я вскинула взгляд и увидела детей, скатывающихся с горки «Зовущих Джунглей» и сразу же бегущих обратно ко входу, пока я или кто-либо еще не сказал им, что их время истекло. Я прокомментировала отпускную фотографию подруги и обновила свой статус – что я наслаждаюсь теплой погодой на школьном празднике.

Наконец я встала и сказала Эви, что скоро мы отправимся на ее горку, и мы вернулись к «Джунглям», засмеявшись, когда Джек напоследок кувыркнулся через бортик и упал на спину вниз.

– Это было потрясающе! – воскликнул он, поднимаясь и подходя ко мне.

Я положила руку ему на плечо и приобняла, и на этот раз не почувствовала его напряжения.

– Я рада, что тебе понравилось. А где девочки?

Джек пожал плечами.

– О, Джек, я же говорила тебе присматривать за ними!

– Они должны были не отставать от меня, – произнес он самодовольно.

Молли показалась на вершине горки и тут же скатилась вниз.

– Ха, я обогнал тебя на милую! – фыркнул Джек.

– Это потому, что ты оттолкнул меня на старте. Мамочка, Джек ушиб мне руку!

– Всё будет хорошо, – сказала я, потирая ее локоть. – А где Алиса?

– Я думала, что она сразу за мной.

– Ну, ее же нет, Молли; она, наверно, застряла где-то внутри, и ей может быть страшно. Одному из вас придется войти туда еще раз.

– Я пойду! – вызвался Джек, уже бегущий вдоль горки, желая сделать еще один заход.

– Я тоже! – Молли исчезла так же быстро, они оба опять пропали из виду. Я ждала. Я оглядела поле вокруг, удивляясь количеству людей, снова заметила Одри, но она была слишком далеко, чтобы окликнуть. Мне требовалось спросить у нее, сможет ли она взять Джека на футбол в понедельник, так что я постараюсь поймать ее попозже.

Джек снова появился на вершине горки.

– Ее там нет! – крикнул он, бросаясь вниз и съезжая к моим ногам.

– В каком смысле – ее там нет? Конечно же, она есть.

Он пожал плечами:

– Я не смог ее увидеть. Я пролез через все закоулки, и ее там не было.

– Молли! Ты видела Алису? – крикнула я Молли, которая сейчас тоже появилась у верхнего выхода. Молли покачала головой. – Ну, она должна там быть. Не могла же она просто исчезнуть. Тебе придется снова идти, Джек, – сказала я, подталкивая его в спину. – И на этот раз, уверена, ты ее найдешь.

Гарриет

В начале курсов Гарриет сказали выключить телефон. Она оглядела комнату и удивилась, почему больше никто из присутствующих не сопротивлялся, а все щелкнули своими мобильными и небрежно побросали их в сумки и карманы. Наверняка у кого-то из присутствующих здесь есть дети? Конечно, Гарриет знала – это не совсем нормально, что ее внутренняя реакция на отключение телефона граничит с невротической. «Но я никогда раньше не оставляла свою дочь ни с кем, – молча протестовала она. – Как вы можете ожидать, что я буду недоступна, когда Алиса не со мной?»»

В конце концов она придумала переключить свой телефон на бесшумный режим и бережно устроила его поверх сумочки, чтобы сразу поймать взглядом его мигание, если кто-то позвонит или напишет. Такое решение вызвало маленький всплеск облегчения. Она обошла эту проблему. Гарриет вытащила блокнот и положила перед собой, чтобы делать заметки.

Слушая преподавателя, Ивонну, вводившую их в мир бухгалтерии, она подумала, что, возможно, стоило последовать советам Шарлотты и заняться чем-то, что было бы интересно ей самой. Ее подруга была права во всем; Гарриет могла бы стать хорошим учителем, и ее степень по английскому языку неплохо в этом пригодилась бы. Но дело в деньгах, напомнила она себе, пытаясь сосредоточиться.

Стрелки медленно тикали на часах, и к полудню Гарриет уже чувствовала себя так, будто провела в этой маленькой комнате большую часть жизни. Комната была невероятно душной, в нее набилось слишком много людей, что затрудняло дыхание. Обмахивая себя блокнотом, она мечтала, чтобы Ивонна открыла окно, но женщина, казалось, не обращала внимания на ее растущий дискомфорт. Теперь правую ногу Гарриет свело судорогой, и хотя вскоре, несомненно, должен быть объявлен перерыв, ее интересовало – можно ли выбежать в туалет, чтобы смочить лоб холодной водой. Тогда она заодно снова смогла бы проверить телефон. Он каким-то образом проскользнул внутрь сумки, и теперь

она не могла, не создавая суеты, легко посмотреть, есть ли пропущенные звонки.

Приняв скоропалительное решение, Гарриет взяла сумку и протиснулась мимо людей за соседним столом. Опустив голову, она вышла из комнаты в светлый, просторный коридор. И сразу почувствовала, что теперь дышится легче.

– С вас тоже оказалось достаточно? – раздался голос позади нее.

Гарриет обернулась и увидела девушку с курсов, которая вышла вслед за ней.

– Простите?

– Я покончила с этим, там. Слишком жарко, не так ли?

– Да, так и есть.

– И слишком нудно. – Девушка хихикнула. – Итак, я ухожу. – Она пристально посмотрела на Гарриет, устремив взгляд на ее губы.

Гарриет смущенно провела рукой по губам, но собеседница продолжала глядеть из-под густых накладных ресниц, почти не моргая.

– Я не могу слушать эту женщину, Иветту, ни минуты больше, – сообщила девушка.

– Ивонну, – поправила Гарриет машинально, прежде чем смогла удержаться.

– Точно, – девушка пожала плечами. – Вам тоже следовало бы уйти. Если, конечно, вам это не нравится. – Уголки ее губ дернулись.

Нет, Гарриет это не нравилось, но она знала, что никогда не сможет вот так взять и уйти. Она не могла покинуть курсы до того, как они закончатся.

Усмехнувшись напоследок, девушка пробежала по коридору и исчезла за углом, а Гарриет проскользнула в туалет.

С наслаждением выдохнув, когда облила свои запястья холодной водой, Гарриет рассматривала свое отражение в зеркале. Ее щеки были красными от жары, а шея пошла пятнами. Волосы норовили выскочить из пучка, и когда она собирала их обратно, то заметила седые пряди, блеснувшие на голове.

Гарриет нахмурилась. В свои тридцать девять она быстро старела, однако не делала ничего, чтобы как-то помочь себе. Она не использовала макияж и носила бесформенную прическу. Шарлотта всегда советовала места, где ее могут хорошо постричь, но тридцать пять фунтов за это казались чрезмерной ценой. Хотя, возможно, немного туши подчеркнет тот факт, что у нее имеются ресницы, и сделает ее менее усталой на вид.

И одежда тоже ничего для нее не значила. Весь ее гардероб был в серой или темно-коричневой гамме. Она одолжила однажды у Шарлотты ярко-розовый шарфик, обмотала его вокруг шеи, чтобы не простудиться в парке, но так и не смогла поверить, что это что-то меняет.

Как только ей стало попрохладней, Гарриет выхватила телефон из сумки и нажала кнопку, чтобы подсветить экран.

Когда ничего не произошло, она нажала боковую кнопку, чтобы включить его, но экран оставался черным.

– Ну же! – пробормотала она; ее живот рефлексивно сжался. Она нажимала снова и снова, однако ничего не получалось. Телефон, должно быть, разрядился, но она не знала, как. Она подключила его к розетке накануне вечером, как всегда, когда ложилась спать. Гарриет помнила об этом, потому что знала – сегодня он потребуется ей больше, чем когда-либо.

Может, она забыла?

Нет, она определенно не забыла. Гарриет взяла за правило заряжать его перед тем, как сделать чашку чая себе на ночь. Она вспомнила, потому что проверила еще раз, когда выходила из кухни.

Но по какой-то причине телефон не подавал признаков жизни.

Гарриет кинула его обратно в сумку. Теперь она понятия не имела, что происходит на празднике, и никто не мог ей сказать. И внезапно дурацкая разряженная телефонная батарея заставила ее расплакаться. Она проглотила всхлип. Ей было больно вдали от Алисы. Это буквально выжигало ей сердце, но никто этого не понимал. Тогда Гарриет научилась преуменьшать, как сильно она хотела держать дочь при себе, как ненавидела самую мысль о том, чтобы выпустить ее из поля зрения. Она заметила, как подружки Шарлотты переглянулись, когда она призналась, что ни разу не провела без Брай-

ана или Алисы ни одного вечера.

«Она бы справилась без тебя, – говорила Шарлотта. – Неужели Брайан не хочет, чтобы ты вся принадлежала самой себе в свободный вечер?»

Гарриет попыталась представить, что Брайан сказал бы, если бы она такое предложила. Он, вероятно, будет встревожен этой идеей.

«Ты могла бы оставить ее с Брайаном и уехать на девичник, например», – упорно продолжала Шарлотта.

Гарриет не представляла себе такого поступка. Обычно она никогда не показывала своих истинных чувств, потому что в первую очередь презирала себя за то, что была такой. Никто не знал, чего ей стоило оставить Алису с Шарлоттой сегодня. Но Шарлотта пришла в восторг, что она обратилась к ней, хотя Гарриет и не следовало говорить, что больше просить было некого.

«Однажды вы должны их отпустить, – сказала ей как-то женщина в магазине. – В один прекрасный день они отрацивают свои крылья и просто улетают прочь. Как бабочки», – прибавила она, хлопая руками в воздухе. Гарриет подавила желание врезать ей по рукам.

Алиса улетит прочь только тогда, когда она ей позволит. Ее собственная мама удерживала ее слишком долго, и Гарриет прекрасно понимала, насколько разрушительным это может оказаться. Она обещала себе не поступать так с собственными детьми, но всё-таки к этому пришла. Где-то на

своем пути она стала той матерью, которой не хотела быть.

Гарриет должна забыть про телефон, вернуться в комнату и страдать до конца курсов. Это не имеет значения, сказала она своему отражению. Это займет еще всего один, – она глянула на часы, – максимум два часа, и она будет дома в четыре тридцать вечера, как и планировалось.

Или она может ускользнуть, как та девушка.

Гарриет забарабанила пальцами по раковине. Ей действительно нужно было научиться принимать простые решения.

Шарлотта

Когда я глянула через сетчатое окно «Джунглей», то увидела лишь чужих кричащих детей, кувыркающихся друг через друга, едва понимающих в своем возбуждении, что наступают на остальных. Алиса может сжаться и присесть где-то в уголке, и большинство ребят второй раз на нее и не взглянут. Мне нужно войти туда самой – я не могла полагаться на Джека, чтобы искать ее должным образом.

– Давайте, девочки, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Пойдемте посмотрим, куда подевалась Алиса.

Я схватила девочек за руки, и, пока мы бежали ко входу в «Джунгли», мне пришло в голову, что я бы не волновалась так, будь это кто-то из моих детей. Они склонны прятаться от меня или блуждать. Но Алиса? Я не могла представить ее

вытворяющей подобное. Было в ней что-то хрупкое, отличающее ее от всех других детей, которых я знала. И было что-то немислимое в потере чужого ребенка.

В пяти метрах от задней части аттракциона находился забор, который отделял поле от парковой зоны, а вдали линия деревьев частично скрывала поле для гольфа. Я выскользнула из туфель, и, держа их в одной руке, поползла через «Джунгли», а обе девочки – за мной по пятам.

Я выкрикивала имя Алисы, когда мы карабкались через пандусы и протискивались через туннели, глядя на каждого ребенка, мимо которого пролезали, надеясь увидеть, как мелькнет ее розовая юбка с оборками.

– Куда она могла деться? – крикнула я сверху Джеку, который ждал в конце горки. Он пожал плечами в ответ, а я неэлегантно задрала ногу над последним съездом и скатилась вниз, придерживая руками Эви, которая хихикала за моей спиной, пуская носом пузыри от счастья, что я поползла через надувнушку вместе с ней.

– Господи, это просто нелепо. – Я огляделась вокруг, снова надела туфли и повернулась к детям. – Алиса говорила о том, что хочет пойти куда-то еще? Может, она упоминала фокусника?

Я не видела ее входящей в палатку фокусника, но она могла пойти не в том направлении, заблудиться и потеряться.

– Конечно, я бы ее увидела, – пробормотала я, не обращаясь ни к кому из них конкретно. Больше для себя самой. –

Молли, ты действительно видела, как она залезла в эту штуку? – спросила я, и мой голос поднялся на октаву выше, когда я указала на надувнушку позади нас.

– Я так думаю.

– Ты так думаешь?

– Ну... – Молли сделала паузу. – Я думаю, она вошла после меня.

– Но ты не знаешь наверняка? – уточнила я, изо всех сил стараясь не закричать.

Молли покачала головой. Я кинулась к женщине, которая взяла у меня деньги, а теперь разговаривала с другой мамой у лотка с пирожными.

– Маленькая девочка пришла туда с моими детьми! – перебила я их. – Около десяти минут назад, но теперь там нет никаких ее признаков.

– Ох...

Я засомневалась, что женщина замечала, какие дети входят и выходят. Она едва подняла голову, когда я положила монеты в ее протянутую руку.

– Простите, я не знаю, – произнесла она. – Как она выглядит?

– Примерно такого роста. – Моя рука зависла возле макушки Молли. Алиса была высокой для своего возраста. – Хотя ей всего четыре. Одета в белую футболку и розовую юбку с оборками.

Женщина покачала головой, а ее подруга тупо уставилась

на меня.

– Нет, простите, – сказала она. – Я не припомню, чтобы видела ее. Однако я буду начеку.

– О, Боже... – Мне стало плохо. Этого не могло произойти.

– Что мы будем делать? – Джек смотрел на меня, покусывая ноготь большого пальца, и ожидал ответа. Он не волновался, с чего бы? Он предполагал, что я разберусь с проблемой, а потом, когда мы найдем Алису, то перейдем к следующему развлечению.

– Мы начинаем ее высматривать! – Я снова взяла девочек за руки. – Мы обыщем всё поле. Она должна быть где-то здесь.

Но мой пульс участился, когда мы двинулись на поиски, пробираясь сквозь толпу, с Джеком, идущим вплотную за нами, через поле, в противоположном направлении от парковки. И чем больше времени проходило, тем быстрее билось мое сердце.

Мы останавливались у каждого прилавка, заглядывали под деревянные столы-козлы, сквозь мелькающие длинные ноги взрослых, и мы все звали Алису по имени, выкрикивая его с разной степенью паники у каждого. Прошли мимо надувного бассейна с надувными утками, где шла игра «Поймай уточку на крюк», мимо «Футбольной перестрелки» с очередью из папаш, громко радующихся, когда кто-то промахивался. Потом лотерея с безделушками, и снова лоток с

пирожными. Возле каждого аттракциона я усиливала хватку на руках своих дочерей и постоянно вертела головой, проверяя, не отстал ли Джек.

– Вы не видели маленькую девочку? – Я остановилась только после пирожных и окликнула чью-то маму из класса Молли или параллельного, которая заведовала киоском с игрушками. Мой голос прозвучал громче, чем я рассчитывала. – Светлые волосы вот досюда. – Я показала чуть ниже своего плеча. – Белая футболка, розовая юбка.

Она с угрюмым выражением покачала головой.

– Где вы смотрели?

– Везде! – выкрикнула я, задыхаясь.

На секунду я не могла двинуться с места. Мои руки начали дрожать; я не понимала, как сильно стискивала своих девочек, пока Молли не вскрикнула и не попыталась вырваться. Мне нужно было что-то делать, но что? Дать объявление? Позвонить в полицию? Я потеряла представление, сколько времени прошло с тех пор, как я видела Алису. Но разве не каждая секунда важна в таких ситуациях?

– Зачем вам метаться, если можно объявить по громкой связи? – спросила она, словно читая мои мысли.

Я уставилась на нее, не зная, как ответить. Правда была в том, что я не хотела это делать. Потому что как только я это сделаю, то признаю, что всё серьезно. Я признаю, что потеряла ребенка. Да еще и чужого ребенка, к тому же.

– Шарлотта? – Чья-то рука сжала мое плечо, и я поверну-

лась, оказавшись лицом к лицу с Одри.

– О Боже, Од... – Я выпустила руки девочек и приложила ладони к своим губам. – Я потеряла Алису. Я нигде не могу ее найти!

– Понятно, – произнесла она хладнокровно, машинально оглядываясь вокруг. – Не паникуй, она где-то поблизости.

– Что мне делать? Я обошла вокруг всего поля. – Я нуждалась в совете Одри. Хотела, чтобы она исправила это без лишних глупостей, как она хорошо умеет.

– Мы найдем кого-нибудь ответственного, – сказала она. – Возможно, они смогут перекрыть все выходы. – Одри посмотрела на парковку, и я проследила за ее взглядом. Поток машин продолжали прибывать. Праздник становился всё более оживленным.

– Кого? – Здесь не было никого из руководства. Я так и не увидела директора, мистера Харрисона, с его громкоговорителем. Он должен был находиться здесь сегодня; он всегда присутствовал на праздниках. Но никто не занимался охраной или даже просто присмотром за въездом на парковку и периметром поля со стороны, кроме Гейл. Алиса могла выйти в любом из четырех направлений, если бы захотела. Не так ли она и сделала, за той надувнушкой? Может, она по какой-то причине перелезла через забор и отправилась к полю для гольфа?

– Мы потеряли маленькую девочку! – крикнула Одри всем, кто мог слышать. – Нужно, чтобы все ее искали! – Она

повернулась ко мне. – Возможно, нам стоит позвонить в полицию.

Я покачала головой. К нам подошли еще две мамы.

– Вы в порядке, Шарлотта? – спросила одна. – Кого вы потеряли?

– Подружку моей дочери, – простонала я. Я сжала лицо руками, прикрывая пальцами глаза. – Алису. Ее зовут Алиса. Ей всего четыре. О, Господи, этого не может быть.

– Всё нормально, – сказала она, взяв меня за руки и в итоге заставив оторвать их от лица. – Каждый может помочь в поисках. Не волнуйтесь, мы ее найдем. Как давно это случилось?

– Я не знаю, – ответила я. Мое сердце быстро забилося, когда я попыталась сообразить, сколько времени прошло с тех пор, когда я в последний раз ее видела. – Кажется, около двадцати минут назад.

– Двадцать минут?

– Ладно, – вмешалась Одри. – Я звоню в полицию.

Новость о пропавшем ребенке распространилась быстро. Шепоток прошел через толпу, из уст в уста, вызывая всплеск активной бдительности; все начали оглядываться вокруг.

Чувство тревоги, неразборчивое возбужденное бормотание. Каждый хотел сыграть важную роль в ее поисках, несомненно, желая оказаться тем, кто сможет крикнуть, что она пряталась под его прилавком.

Я сомневалась, что кто-то из них представлял себе худшее. Дети, бывает, теряются. Но это всегда ненадолго, лишь до того момента, пока их не найдут и испуганные родители не изольют свои благодарности на человека, которому повезло первым на них наткнуться.

В оцепенении я позволила Одри привести нас к краю поля у парковки, где она договорилась встретить полицию.

Я прислонилась спиной к забору, палящие солнечные лучи били прямо в нас. Люди передо мной начали расплываться, а когда я попыталась сфокусировать взгляд, меня захлестнула волна тошноты.

– Выпей немного воды. – Одри втиснула бутылку мне в руку, и я сделала большой глоток. – И ради Бога, отойди в тень. Ты выглядишь так, будто сейчас хлопнешься в обморок, – сказала она, подталкивая меня к дереву. – Алиса вернется, – продолжала она. – Она просто убежала и заблудилась.

– Надеюсь, что ты права. – К тому же в Чидденфорде ничего ужасного не могло случиться. Не в этой сонной деревушке графства Дорсет. – Но я просто не думаю, что Алиса могла убежать.

– Все дети делают это время от времени, – заметила Од. – Алиса ничем не отличается от остальных четырехлеток.

«Но ты не знаешь Алису, – подумала я. – Она другая». Одри никогда не находила времени, чтобы узнать Алису поближе, скорее всего потому, что та никогда с ней не разговаривала. Так же, как она никогда не находила времени, чтобы

узнать и Гарриет.

– Я должна позвонить Гарриет, – произнесла я, когда Одри проводила моих детей к клочку травы, где они послушно уселись.

– Расскажи мне, что произошло, еще раз.

– Я не знаю, что произошло. Алиса просто исчезла. Она зашла с задней стороны надувнушки, но не скатывалась с нее. Что мне сказать Гарриет? – Я сделала еще один глоток из бутылки. – Я не могу сказать ей, что потеряла ее дочь, Од! – закричала я.

– Тебе нужно успокоиться. – Она взяла меня за руки и потянула к себе, так, чтобы я повернулась к ней лицом. – Дыши медленней. Давай. Раз, два... – Она начала медленно считать, и я вошла в ее ритм. – Алиса скоро найдется, я знаю, что так будет, поэтому нет пока смысла волноваться за Гарриет. И кроме того, – ее взгляд скользнул за мое плечо, – полиция уже здесь.

Одри кивнула в сторону дороги, и я повернулась, чтобы увидеть, как полицейская машина проезжает вдоль поля к парковке. Из нее вышли два офицера в форме и направились в нашу сторону. И тут я по-настоящему прочувствовала всю серьезность ситуации. Теперь это было официально.

Алиса пропала.

Констебль Филдинг представился и представил свою коллегу, женщину-констебля Шоу. Они спросили, не желаю ли

я присесть, но я покачала головой. Я просто хотела, чтобы они поскорей приступали к делу, для которого прибыли.

– Вы можете рассказать нам, что случилось, Шарлотта? – спросил констебль Филдинг.

– Дети пришли в восторг от возможности отправиться в «Джунгли», – сказала я ему, указывая на дальний край поля, на большую надувнушку. – Ну, не моя младшая, Эви, она хотела покататься на другой горке, поменьше, но остальные трое пошли, – продолжала я, хотя и знала, что Алиса не испытывала восторга.

– И вы видели, как все трое заходили?

Я покачала головой:

– Они быстро побежали вокруг к задней стороне, и оттуда, где я была, фактически не видно входа.

– То есть вы не обошли, чтобы проверить? – уточнил он, слегка приподняв одну бровь, и взглянул на меня поверх толстого черного ободка своих очков.

– Нет. – У меня перехватило дыхание. – Я не проверяла. Я предполагала, что они там, потому что они умоляли меня разрешить туда пойти.

Полицейский кивнул и сделал запись в своем блокноте. Я потянулась рукой к своему горлу, почесываясь от жары, от которой начинала зудеть кожа.

– Безусловно, теперь я жалею, что так не сделала, – продолжала я. – Но я не думала, что это необходимо, потому что, насколько я знала, там им было некуда больше идти... –

Я умолкла. Конечно, я жалела об этом. Я молила Бога, чтобы время повернулось вспять и этого бы никогда не случилось. Чтобы я не отпускала их никуда с самого начала.

– И что вы сделали затем? – поинтересовался Филдинг, кивая констеблю Шоу, которая отошла в сторонку и начала говорить по рации.

– Я присела в тени со своей младшей, с Эви. Она не хотела идти в «Джунгли», а у меня болела голова, – сказала я, наблюдая за полицейской и размышляя, что она говорит и кому.

– А вы могли видеть эти «Джунгли» с того места, где сидели?

– Да, я могла видеть выход из них. Я не спускала с него глаз всё время, – ответила я, кивая, чтобы показать больше уверенности, чем на самом деле чувствовала.

– А вы видели их именно всех, после того как они убежали вокруг к задней стороне?

– Я... я... – Я запнулась. – Я видела, как они скатываются и бегут вокруг снова.

– Все они? – Филдинг поднял взгляд от своего блокнота.

– Я увидела сперва Джека, – сказала я, вспоминая, как ощутила прилив счастья оттого, что мой сын улыбался от уха до уха, крайне довольный собой. – А затем Молли. – Ее рот широко раскрылся в форме буквы «О», когда она скатывалась с горки, ее хвостики взлетали в воздух позади нее.

– И Алису? – спросил он, с намеком на нетерпение.

Я сделала паузу. Я думала, что видела ее в то время. Или, может быть, я просто предположила, что видела. Я даже, как ни странно, не помнила, чтобы она спускалась с горки, как остальные.

– Я думаю, да, – ответила я, и потом добавила: – Но я не могу сказать наверняка.

– Так когда же вы заметили, что Алисы там точно нет?

– Когда мои двое закончили кататься. Они сказали, что ее не было с ними, и они не могли вспомнить, входила ли Алиса. – Я посмотрела на своих детей, уже опасаясь момента, когда полиция захочет их опросить.

– А как насчет ее туфель? – Это донеслось от констебля Шоу, которая возвращалась обратно к нам.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, разве дети обычно не снимают обувь, входя на бату-ты? Может, Алисины всё еще там?

– О, – я остановилась и попыталась подумать. – Я не знаю. Я не видела. – Я даже не заметила, чтобы мои собственные дети снимали обувь или снова надевали ее.

– Тебе лучше пойти и проверить, – сказал констебль Филдинг, и Шоу кивнула, быстро уходя в направлении надув-нушки.

Мое сердце билось так сильно, что звенело в ушах. Я была уверена, что полицейский тоже это слышит. Я взглянула на Одри и детей, потом опять на него. Почему он не обещает мне, что ее вскоре найдут, а вместо этого задает дополни-

тельные вопросы? Теперь они были о Гарриет и Брайане, и ему требовалось, чтобы я сообщила номера их телефонов.

Я нащупала в сумке свой мобильник, вытащила его и начала прокручивать список, пока не нашла номер Гарриет. Не было никакого смысла искать Брайана. Я никогда не записывала его номера, но все равно сделала вид, что проверяю.

Я описала розовую пышную юбку Алисы, с птичками, вышитыми по подолу, которую она так часто носила. Юбка становилась всё короче на фоне ее растущих ног, но, очевидно, была одной из ее любимых. Я рассказала, что на ней простая белая футболка без рисунка, белые гольфы и светло-голубые туфли на липучках. На туфлях дырочки в форме крошечных звездочек, образующие узор ближе к мыскам. Мне стало легче оттого, что я так точно помню, во что она была одета.

Я сказала ему, что Алиса примерно того же роста, что и Молли, со светлыми волнистыми волосами чуть ниже плеч, в которых нет никаких заколок и ленточек. Я пролистала фотографии на телефоне, чтобы посмотреть, нет ли там какого-нибудь ее фото, но не нашла ни одного. И хотя образ Алисы представлялся таким ясным в моей голове, как если бы она стояла рядом, я не была уверена, что сумела хорошо его передать.

– Нам нужно искать ее за пределами площадки, – сказала я. – Она может быть сейчас где угодно.

– Не волнуйтесь, там будут искать подготовленные сотрудники, – отозвался констебль Филдинг. – Уже ищут. Где ее

родители?

– Ее мама на курсах в гостинице. – Я не знала точно, в какой именно. Там было достаточное количество небольших отелей, разбросанных вдоль побережья, и я не додумалась спросить об этом Гарриет.

– А папа?

– На рыбалке. Он ездит каждую субботу утром.

– Вы не знаете, где именно?

Я пожала плечами. Рыбалка – это всё, что я знала.

– Ладно. – Филдинг махнул рукой констеблю Шоу, которая возвращалась через поле. – Нам нужно связаться с родителями. Нашла что-нибудь?

Она покачала головой, когда подошла к нам.

– Обуви нет, и женщина, которая там работает, говорит, что никто не оставлял.

Констебль Филдинг посмотрел на меня без выражения. Он мог бы и не говорить, о чем думает: мое настроение и без того было тяжелым, и я ощущала собственную некомпетентность.

– Таким образом, очень возможно, что Алиса вообще туда не заходила, – подытожил он.

Я присоединилась к Одри и своим детям, пока констебль Шоу пыталась дозвониться до Гарриет. Она снова отошла от нас, и я смотрела ей в спину, напрягая слух, чтобы понять, есть ли соединение. И представляла свою подругу на другом

конце, слушающую, как офицер¹ говорит ей, что Алиса пропала.

– Ты дрожишь, – сказала Одри. – Присядь. Пойду принесу тебе еще бутылку воды.

Я помотала головой.

– Нет! Никуда не уходи! – Комок желчи застрял у меня в горле, и я отчаянно не хотела, чтобы Одри бросала меня.

– С Алисой всё будет хорошо. Ты же понимаешь это, не так ли? Они уже там, как офицер и сказал тебе, и они найдут ее.

– А что, если они не найдут? – Я заплакала. – Что, если это тот же тип, который похитил маленького Мэйсона в прошлом году? Что, если мы никогда не найдем ее и не узнаем, что случилось? О, Господи! – Я зарыдала сильнее, чувствуя, как руки Одри подхватили меня, когда мои ноги подкосились. Она поддержала меня под локоть и обняла.

– Я не смогу с этим жить. Я не смогу жить сама с собой, если она никогда не вернется.

– Нет, – возразила Одри. – Не говори так. Она обязательно найдется. Это не имеет ничего общего с тем, что произошло с Мэйсоном. Алиса просто забрела куда-то и заблудилась. Никто не похищал ее, Бог с тобой, о чем ты. Если бы это случилось, кто-нибудь здесь что-то да увидел бы.

– Мы не можем дозвониться до матери, – сказал констебль

¹ «Офицер» подразумевает «сотрудник полиции», как во многих англоязычных странах, и к званию не имеет отношения. – *Здесь и далее – прим. пер.*

Филдинг, подходя опять к нам. – Мне нужно задать еще несколько вопросов, если вы не возражаете, но я бы хотел пройти к этим «Джунглям» вместе с вами. Если вас не затруднит.

Одри осталась с детьми, а я последовала за офицером через поле. Теперь он хотел знать больше о семье Алисы – спрашивал меня, были ли Гарриет и Брайан все еще вместе, что я и подтвердила. Живут ли поблизости бабушки и дедушки? Я ответила, что нет, и вопросы прекратились, когда мы добрались до «Джунглей», возле которых топталась парочка полицейских с задней стороны.

– В заборе нет ни щели, ни калитки, – сообщил один, выходя на нас навстречу. – По другую сторону деревьев есть поле для гольфа и парковка от гольф-клуба, которая довольно плотно заставлена.

– Какие-нибудь камеры наблюдения?

– Это проверяется.

– Хорошо. – Констебль Филдинг кивнул, озираясь вокруг. Толпа собралась в небольшие группы, кучкующиеся возле прилавков, с нескрываемым интересом наблюдающие за суетой вокруг надувнушки.

– Она могла ускользнуть в любом направлении, – проворкотал полицейский. – Дозвонилась родителям? – Он обернулся к констеблю Шоу, которая покачала головой.

Я хотела сказать, что Алиса не стала бы так поступать, но затаила дыхание, ожидая, когда он решит, что теперь делать.

Она была не из тех детей, которые просто так убегают. Но если я права, то и ежу понятно, что это значит.

Гарриет

Гарриет ехала домой, всё время размышляя, правильно ли поступила. Она никому не сказала, что уходит с курсов, но, как только вышла на свежий воздух автостоянки, ей стало легче покинуть отель. После двадцатиминутной поездки домой она снова сможет подключить телефон.

Дороги были свободны, поездка протекала быстро, однако, как только она свернула на свою улицу, ее нога резко ударила по тормозам. Впереди вспыхивали синие огни. И хотя по обе стороны от длинной дороги выстроились припаркованные машины, мешая обзору, Гарриет знала, что вспышки были возле ее дома, потому что они сверкали прямо перед дряхлым трейлером ее соседа.

Она осторожно надавила ногой на педаль газа и потом снова остановилась, чтобы пропустить машину.

– Ну давай же, – пробормотала она, вытягивая шею вбок, чтобы посмотреть, не видно ли кого-нибудь возле дома. Ее пальцы нетерпеливо барабанили по рулевому колесу. Другая машина медленно проехала мимо. Гарриет почувствовала, как бьется ее сердце, и прижала руку к груди. Раз, два, считала она пульс. Еще один пропущенный удар.

Наконец Гарриет втиснулась в небольшое пространство

между полицейской машиной и серебристой «Хондой» Брайана и увидела, что ее муж стоит в палисаднике, одной рукой крепко сжимая удочки, а другой яростно потирая свой щетинистый подбородок.

Женщина-полицейский стояла на траве рядом с ним. Гарриет видела, как шевелятся ее губы, но лицо ее было бесстрастным. Она подняла обе руки и указала одной из них в сторону дома, однако Брайан оставался упорно прикованным к месту, будто корни пустил.

Гарриет могла видеть только его затылок, но он покачал головой и высоко запрокинул ее, с одеревеневшей спиной глядя в небо.

Гарриет не двигалась. Она не хотела выходить из машины. Только не сейчас. Она слышала, как ее дыхание заполняет тишину, слишком сильное, слишком быстрое, но, как только она выйдет, ей придется услышать то, что сообщили Брайану. Ей не нужно было видеть лица мужа, чтобы понять: полицейская сказала ему нечто плохое. Уже по его неестественно напряженной позе она знала.

Дрожащими пальцами Гарриет повернула ключ и заглушила двигатель, а полицейская и Брайан обернулись к ней. Тем не менее она не двигалась.

Губы Брайана шевельнулись, произнося ее имя, как будто его вдруг осенило: всё, что он сейчас узнал, ему придется передать своей жене. Его глаза были широко раскрыты от страха, когда он уставился на нее, прежде чем осторожно

приблизился по садовой дорожке к калитке, таща за собой удочки.

Гарриет затрясла головой из-за безопасного стекла. *Не говори этого, не смей этого говорить, потому что, если ты этого не скажешь, мне не придется это слышать.*

В тот день, когда Гарриет вернулась в больницу и увидела пустую кровать своей матери, она выбежала из палаты и съехала в коридоре, зажав уши руками. Она знала, что ее мама уходит; это было неизбежно. Гарриет говорили ожидать этого в течение нескольких недель, но она всё еще не хотела думать, что это в конце концов случилось. И она представила, что если ей никто не скажет, то она сможет верить, будто ее мама по-прежнему жива.

Гарриет не спускала глаз с Брайана, но щелчок всё равно ее напугал, когда он открыл дверцу автомобиля.

Она закрыла глаза.

– Что случилось?..

– Выходи, любовь моя. – Его голос был безжизненным, но спокойным, без нервозности. – Пожалуйста, выйди из машины.

– Скажи мне, что случилось. Что она здесь делает? – Гарриет кивнула в сторону полицейской.

– Пойдем внутрь, – произнес он, протягивая ей свободную руку.

– Нет. Скажи мне сейчас.

– Миссис Ходдер? – Полицейская появилась рядом с

ним. – Я думаю, нам стоит лучше зайти в дом.

– Я не хочу! – вскрикнула Гарриет, но Брайан взял ее под руку, и она позволила вытащить себя из машины.

Он крепко держал ее, поглаживая большим пальцем тыльную сторону ее ладони.

– Дорогая, я действительно думаю, что мы должны просто зайти внутрь, – сказал он, сумев затащить ее в палисадник, прежде чем Гарриет остановилась. Она чувствовала, что ноги подкосятся под ней, если продолжать двигаться.

– Кто-нибудь из вас наконец расскажет мне, что случилось?

Полицейская остановилась рядом с ней. У нее было пухлое лицо и небольшие глаза, которые нервно метались между Гарриет и Брайаном. Гарриет взглянула на мужа. За эти годы она научилась хорошо его читать. Она знала каждое выражение наизусть. Еще до того, как Брайан открывал рот, она понимала, что его что-то тревожит и для него нет ничего важнее на тот момент.

– Миссис Ходдер. – Полицейская откашлялась и снова заговорила: – Боюсь, у нас плохие новости. Миссис Шарлотта Рейнолдс сообщила, что...

– Алиса пропала, – перебил Брайан, отбрасывая лишние прелюдии. Гарриет почти могла видеть слова, вылетающие из его рта, меняющие форму высоко в воздухе, не имеющие никакого смысла. Они медленно опускались всё ниже и ниже, пока одно за другим не накрыли ее.

– Нет... – Голос Гарриет звучал хриплым шепотом. – Нет, не говори так. – Она маниакально замотала головой, хотя тело было так напряжено, что это причиняло ей боль при движении.

– Пойдем в дом, – тихо сказал Брайан.

– Алиса, – произнесла Гарриет ее имя, будто от этого могла обнаружить ее в саду и всё оказалось бы какой-то болезненной шуткой. – Алиса! – снова выкрикнула она, на этот раз в оглушительном вопле, и вместе с ним ее ноги ослабли и она осела на землю. Со стороны это выглядело так, словно из Гарриет вышел весь воздух и она сдулась, как воздушный шарик, ударившийся о невидимое жесткое препятствие на своем пути.

– Всё нормально, миссис Ходдер, – говорила над ней полицейская.

Конечно, всё НЕ нормально, закричал голос в ее голове. Как ЭТО может быть нормально?

Драгоценные удочки Брайана лязгнули о дорожку, когда он бросил их, глядя то на полицейскую, то на свою жену; его испуганный взгляд искал кого-то, кто скажет, что делать. Он не знал, тащить ли Гарриет в дом или оставить ее в покое здесь.

– Что произошло? – плакала она. – Что произошло?

– Я действительно считаю, что лучше пойти в дом, – убеждал Брайан, обнимая жену и поднимая, прижимая к своей груди. Гарриет повисла на нем; он гладил ее по голове, когда

повел по дорожке к дому. Одной рукой он нащупал ключ в заднем кармане и неловко вставил его в замок.

– Это офицер Шоу, и она нам всё расскажет, – сказал он.

В доме Ходдеров постоянно стоял полумрак. Несмотря на яркий день, Брайану потребовалось включить свет в коридоре. Дверь на кухню в дальнем конце была закрыта, как и еще одна справа, делая маленький коридор еще меньше на вид.

Брайан открыл правую дверь, мягко направляя Гарриет в их аккуратную квадратную гостиную и дальше на диван. Констебль Шоу проследовала за ними, и даже только от присутствия третьего человека в комнате почувствовалась теснота.

– Кто-нибудь наконец расскажет мне, что случилось? – сказала Гарриет.

Полицейская села в кресло и сдвинулась на краешек так, чтобы оказаться лицом к Гарриет и Брайану, которые устроились теперь бок о бок на диване.

– Ваша подруга, миссис Рейнолдс, присматривала за вашей дочерью сегодня?

Гарриет кивнула, чувствуя, как муж неловко ерзает рядом с ней. Краем глаза она могла видеть, что он недоуменно смотрит на нее, но сосредоточилась на констебле Шоу, которая на мгновение остановилась, отвлекшись на порывистые движения Брайана.

– Мне очень жаль, – та снова взглянула на Гарриет. – Я

знаю, как вам, должно быть, тяжело это слышать, но Алиса исчезла со школьного праздника. Наши офицеры ищут ее, и...

– Когда? Когда она исчезла? – спросила Гарриет.

– Мы приняли звонок в час пятьдесят пополудни.

– И что произошло? – Гарриет была настойчива. Она чувствовала, как ее рука дрожит в ладони Брайана.

Констебль Шоу шумно вдохнула через нос и, похоже, не выдохнула.

– Ваша дочь пропала на надувнущке. Она побежала к задней стороне, и это был последний раз, когда миссис Рейнолдс видела ее.

– Я не понимаю, – сказал Брайан. – Вы имеете в виду надувную башню? Что она делала с обратной стороны? Алиса бы так не поступила.

– Нет, это не надувная башня. Это называется «Джунгли зовут!» – уточнила полицейская. – Это надувная полоса препятствий.

– Но Алиса ненавидит всё такое, – Брайан покачал головой. Он крепко сжимал руку Гарриет. – Она никогда не была на такой штуке. Почему она пошла на нее сегодня?

Констебль Шоу поджала губы. Было очевидно, что она не может ответить на его вопрос.

Брайан продолжал смотреть на нее.

– Она, наверно, испугалась! – воскликнул он. – Ей это не понравилось. – Гарриет чувствовала, как его плечи вздыма-

ются и опускаются в такт взволнованному дыханию.

– Но, возможно, это и к лучшему? – продолжил он. – Это значит, что она скорее сбежала, чем ее кто-то забрал? Это ведь предпочтительнее?

– Мы пытаемся выяснить, что произошло, мистер Ходдер.

– А Шарлотта? – спросил он, переводя взгляд на Гарриет, а затем обратно на констебля Шоу. – Где она была, когда всё это случилось? Когда предполагалось, что она присматривает за нашей дочерью. Я имею в виду, как Алиса вообще умудрилась побегать куда-то без ее ведома? Шарлотта должна была следить за ней всё время.

Гарриет почти чувствовала, как он теряет голову; его дыхание участилось. Думать о том, что мать не присматривает за ребенком, – это было слишком чувствительно для Брайана.

– Миссис Рейнолдс не могла видеть ее с той стороны, где она была, – пояснила офицер. – И когда Алиса не появилась, они обыскали площадку и подняли тревогу. Я верю, что она сделала всё возможное, чтобы...

– Чтобы что? – выкрикнул Брайан. Констебль Шоу опустила глаза. – Она сделала всё возможное, чтобы найти ее, вы это хотели сказать? Шарлотта должна была не терять ее в первую очередь. – Он откинулся назад на диване, убрав руки от Гарриет, обхватив ими голову и раскачиваясь.

– Простите, – сказала полицейская. – Я не хотела вас расстраивать, мистер Ходдер. Район тщательно обыскивается,

и делается всё для обеспечения того, чтобы Алиса благополучно вернулась домой. – Она сделала паузу. Ее глаза снова нервно заметались между ними, с одного на другую, и Гарриет подумала, что офицер не верит своим собственным словам.

– Мы делаем всё, что можем, – произнесла она заметно тише.

Тело Брайана было твердым и тяжелым и слишком близко от Гарриет. Она чувствовала его напряженные мышцы. Страх вытекал из него наружу и впитывался в нее, так что ей захотелось убежать прочь, чтобы не приходилось это ощущать.

Часто моргая, Брайан смотрел на нее. Она знала, что в его груди росло нечто, требующее выхода.

Вместо этого он положил правую руку ей на колено и сказал:

– Они найдут ее, любовь моя. Найдут. Они должны. – Он сжал ее руку и вдруг повернулся к полицейской.

– О, Господи, вы же не думаете, что это один и тот же парень? – спросил он внезапно. – Тот, который забрал того мальчика?

Гарриет почувствовала, как его рука сжимается на ее ноге. Она попыталась отодвинуться от мужа. Она не могла вынести того, что он уже спрашивает и об этом. Лево́й рукой она сжимала кожаную подушку под собой, пока не сдавила так сильно, до боли, что пришлось выпустить.

Констебль Шоу сделала очередной глубокий вдох. В комнате уже почти не осталось свежего воздуха.

– Мы не знаем, мистер Ходдер. На данном этапе мы всё ещё предполагаем, что Алиса покинула праздник по собственной воле. – Она быстро улыбнулась сжатыми губами и опустила взгляд, чтобы больше не смотреть им в глаза.

– Вы действительно так думаете? – Брайан подался вперед и наклонился, усевшись на краю дивана. – Или вы всё же связываете это с исчезновением Мэйсона Харбриджа? Потому что прошло уже семь месяцев, и никто не знает, что с ним случилось. Как можно сказать наверняка, что это сделал не тот же самый человек, который похитил Алису?

Гарриет видела кадры с маленьким Мэйсоном, которого пресса описывала как «растворившегося в воздухе».

– Меня сейчас стошнит! – крикнула она и бросилась из комнаты на кухню, где склонилась над раковиной в приступе рвоты.

В любой момент Брайан мог оказаться рядом и начать поглаживать ей спину в попытке успокоить. Она вытерла рот рукой и прополоскала его под краном. Гарриет желала остаться в одиночестве, хоть ненадолго, пока он не начал задавать вопросы, на которые она не хотела отвечать.

– Одну минуту, мистер Ходдер, – донесся голос констебля Шоу через открытую дверь гостиной, очевидно, останавливающий Брайана на пути к выходу. Их голоса были негромкими, но как только Гарриет выключила льющуюся воду, то

могла без труда разобрать, что они говорят. – Я знаю, что это шок для вас.

– Так и есть.

– Насколько хорошо вы знаете Шарлотту Рейнолдс?

Наступила некоторая пауза.

– Лично я – не очень хорошо.

– Хорошая подруга?

– Ну, ясное дело, нет.

– Я имею в виду, вашей жене. Она и ваша жена в близких отношениях?

Гарриет ждала его ответа, и в конце концов ответ прозвучал.

– Да, – сказал Брайан. – Полагаю, что это так.

Сейчас

Детектив Роулинг раскачивается взад-вперед на своем стуле, громко пыхтя. Нетрудно забыть, что мы не на одной стороне, тем более что она продолжает утешать меня, а я стараюсь быть полезной.

Да, я знаю, как это было ужасно, хочу я ей сказать. Вам не нужно мне это говорить.

Но мы обе знаем, что так станет намного хуже.

– Расскажите мне побольше о своей дружбе с Гарриет, – предлагает она. – Как вы с ней познакомились?

– Гарриет работала в школе Сент-Мэри, – отвечаю я. У меня пересохло во рту, и я допиваю последнюю каплю воды

из стакана, в надежде, что она предложит мне еще. Детектив сказала мне, что я могу взять перерыв, но я еще не набралась смелости попросить.

– Это школа, в которую ходят ваши дети? – спрашивает она. – Та же школа, где проходил праздник?

– Да. До того, как у Гарриет появилась Алиса, она работала там какое-то время ассистентом.

Я говорю ей, что меня вызвали в школу, поскольку там была проблема с Джеком, но подавляю желание добавить, что мой сын ничего плохого не сделал.

– Я видела Гарриет раньше, но это был первый раз, когда мы разговаривали.

Образ Гарриет, нервно порхающей по игровой площадке, всплывает в моей голове, и я снова слышу голос Одри: «Она мечется, как мышь». Я, возможно, хихикнула тогда, потому что, как всегда, наблюдение Од было к месту, но я также почувствовала что-то еще, наблюдая за Гарриет. Может, жалость?

«Она, наверное, просто стесняется, – пробормотала я, разглядывая голову Джека. Распространили очередное предупреждение о вшах, а Джек умудрился подцепить их уже четыре раза. Я была не готова принять этих дорогих гостей в пятый. – Или она не хочет, чтобы ее беспокоили родители».

«Хм. Она немного странная, – сказала Одри. – Она не смотрит никому в глаза».

После этого я подняла взгляд, чтобы увидеть Гарриет, ки-

нувшуюся к главному зданию и спрашивающую, что она может сделать для нас, мам. Мы все толпились кучкой, склоняя головы ближе друг к другу, когда сплетничали или громко смеялись. Мы были стаей, и большинству из нас так было комфортнее, даже если мы не упоминали об этом вслух.

Я ничего не говорю детективу об этом. Вместо этого я говорю, что Гарриет была честна и открыта со мной и очень легка в общении.

Когда она делилась со мной своим отношением к Джеку, я наблюдала, как ее пальцы играют со швом ее А-образной юбки. Ее ногти были обкусаны, и твердый кусочек сухой кожи оттопыривался на большом пальце. В какой-то момент я сосредоточилась на этом, желая, чтобы она перестала говорить о моем сыне с такой тревожащей точностью, и опасаясь, что начну плакать.

«Миссис Рейнолдс? – произнесла Гарриет мягко. – Если вы думаете, что я ошибаюсь, пожалуйста, скажите мне».

Я покачала головой.

«Нет, вы не ошибаетесь», – признала я. Она была первым человеком, который увидел Джека именно таким мальчиком, каким он и был.

«Он очень сообразительный, – продолжала Гарриет. – Академически он на голову выше всех, но в социальном плане он не всегда справляется с некоторыми вещами так, как положено в его возрасте».

«Я знаю», – кивнула я.

«Есть результаты тестов, которые мы можем посмотреть и подумать, как ему помочь».

«Не нужно навешивать на него никаких ярлыков, – сказала я. – Я не стесняюсь, но...»

«Всё в порядке, миссис Рейнолдс, вам не нужно принимать никаких решений прямо сейчас. И вам, конечно, не нужно беспокоиться о рассмотрении другой школы, если вы не хотите».

Я говорю детективу, что она была замечательной ассистенткой.

– Она так заботилась о детях, – поясняю я. – Она уделила мне время. Мы поговорили, и я поняла, что у нас много общего.

– Что же у вас общего? – Это не первый раз, когда меня об этом спрашивают.

– Прежде всего это наше прошлое, – отвечаю я. – Мы разговаривали о... – Я резко останавливаюсь. Я собиралась сказать, что мы говорили о наших отцах, что у нас были общие секреты. Несмотря на то что наша встреча началась с разговора о Джеке, я каким-то образом свернула на собственное детство и поделилась с Гарриет историей о своем отце. Ну, кое-чем. По крайней мере, я рассказала ей больше, чем кому-либо другому. Я рассказала, как он бросил нас, когда я была еще ребенком.

Но затем Гарриет призналась, что ее отец умер, когда ей было пять, и я сразу ощутила вину, потому что это, конечно,

намного хуже того, что пережила я.

«Это случилось много лет назад, – она сжала мою руку в своей. – Пожалуйста, не огорчайся».

Но, несмотря на ее улыбку и то, как убедительно она на меня смотрела, я видела проблеск слез в ее глазах и знала, что она просто пытается показать, что не расстроена. В глубине души я ощущала, что ей всё еще больно от потери, и даже тогда, в начале нашей дружбы, я чувствовала себя виноватой.

«Время – великий целитель, не так ли? – сказала она. – Так вроде говорят?»

«Говорят, но я не совсем уверена, что согласна», – проворчала я.

«Да, – улыбнулась она. – Я тоже не уверена».

И после краткой паузы я вдруг обнаружила себя упрашивающей ее присоединиться ко мне и моим подругам-мамам выпить кофе на следующей неделе. Гарриет выглядела захваченной врасплох, и я предположила, что она откажется.

Но вместо этого она поблагодарила и ответила, что с удовольствием. И пока я улыбалась и говорила, что это замечательно, то одновременно размышляла, не слишком ли поспешила с приглашением. Другим мамам могло бы это не понравиться, потому что они хотели свободно разговаривать о школе, и Гарриет стала бы моей ответственностью, а я не думала, что нуждаюсь в дополнительной головной боли.

Когда я рассказала Одри, что натворила, она подняла

бровь.

«Дай ей шанс, думаю, она тебе понравится, – сказала я. – Кроме того, она больше никого не знает в этом районе».

У Гарриет не было других подруг, я поняла это с самого начала. Том как-то назвал ее моим новым питомцем, чем не на шутку взбесил меня, но что-то в Гарриет действительно заставляло меня взять ее под крыло. Я решила, что могу помочь ей. Первый шаг – ей нужно познакомиться с бóльшим количеством людей.

– Гарриет переехала в Дорсет лишь несколько месяцев назад, – говорю я теперь детективу Роулингс. – Я хотела, чтобы она чувствовала гостеприимство.

– А как она вошла в вашу компанию? – спрашивает детектив.

– Ну... – Я делаю паузу. – На самом деле это не так. Всякий раз, когда она приходила, то неизменно выглядела смущенной, так что в конце концов я перестала приглашать ее. Я не хотела, чтобы она чувствовала неловкость, когда это всё ей явно не по душе.

Брови детектива Роулингс вздымаются вверх, и я ерзаю на своем жестком сиденье.

– Я знала, что она не хотела быть там, – оправдываюсь я. – Знала, что некоторые из моих приятельниц ей не особо нравятся.

– Но вы продолжали свою дружбу с Гарриет?

– Да, хотя и не настолько плотно, как с самого начала. Мы

по-прежнему болтали всякий раз, когда виделись, но только после того, как у нее появилась Алиса, а у меня Эви, мы начали встречаться регулярно. К тому времени все остальные мои подруги имели детей школьного возраста и целыми днями занимались различными делами. Мы с Гарриет составили друг другу компанию.

Гарриет удержала меня от сумасшествия. Она стала моим другом в то время, когда я нуждалась в ком-то вроде нее больше, чем когда-либо. Когда все остальные, кого я знала, могли вернуться на работу, или ходить в спортзал, или часами сидеть в кофейне, не чувствуя себя истощенными от бессонных ночей, и очень быстро забыли, каково это – иметь новорожденного.

– Я не была счастлива после рождения Эви, а Гарриет оказалась хорошим слушателем, – продолжаю я. – В довершение ко всему мой брак переживал трудности, и я вываливала всё это на нее.

Намного больше, чем ранее на Одри, но Гарриет всегда так стремилась помочь.

– И поэтому вы стали близки. Вы всем делились друг с другом?

– Мы разговаривали, как подруги.

– Могли бы вы назвать себя лучшими подругами?

– Она одна из моих лучших подруг, да, – киваю я, думая об Од и о том, что сложно отыскать более разных людей, чем эти двое. Но разве друзья не играют различные роли в нашей

жизни?

– А как бы на это ответила Гарриет? – спрашивает она.

Гарриет сказала бы, что я ее единственная подруга.

– Она сказала бы то же самое, – говорю я ей.

Я представляю, о чем Роулингс должна думать сейчас, но она не задает вопрос, который вертится у нее на языке.

Что Гарриет сказала бы сейчас?

Некоторое время назад

Гарриет

Бормочущие голоса Брайана и констебля Шоу отошли на второй план, когда Гарриет взглянула на свой задний сад через кухонное окно. Она всегда любила сад. Совсем не такой, как у Шарлотты, – в нем не было места для деревянной шведской стенки и двойных качелей или для четырнадцатифутового батута и игрового домика. Но раньше она знала жизнь лишь в квартирах и довольствовалась узкими полосками балконов.

Сад был единственным, что нравилось Гарриет в доме, когда они только что переехали. Пять лет назад, когда Брайан затормозил возле небольшого полудома, общей стеной с соседями, который купил для них, ее сердце упало. Их переезд в Дорсет подавался Гарриет, как ее мечта – дом на побережье, и она уже представляла, как открывает окна по утрам и

вдыхает запах морского воздуха. Слышит крики чаек, кружащих над головой, и, может быть, даже видит блеск воды из окна спальни.

Она на самом деле не очень хотела покидать Кент, но именно описание Брайаном жизни в Дорсете окончательно убедило Гарриет. В конце концов, это то, о чем она мечтала с детства. Поэтому, когда они следовали за фургоном перевозчиков на юго-запад, Гарриет настолько загорелась этой идеей, что позволила себе прийти в небольшой восторг.

Кроме того, переезд был их шансом начать всё сначала. Брайан пытался оставить прошлое позади. Он получил новую работу в Дорсете и нашел им дом. Ее муж старался изо всех сил, поэтому самое меньшее, что она могла сделать, – тоже вложить в это свое сердце. И по дороге Гарриет размышляла, что переезд всей ее жизни, может, и не такая уж плохая затея. И так, у нее не будет друзей и придется искать новую работу, но, наверно, всё это на самом деле не имеет значения. И если так необходимо для того, чтобы они были вместе в домике у моря, оно того стоит.

Когда они остановились возле дома, Гарриет подумала, что компания-перевозчик, должно быть, ошиблась. Они свернули с береговой дороги по меньшей мере десять минут назад. Гарриет не могла даже дойти до пляжа оттуда, где они сидели в припаркованной машине, не то что увидеть его. Она взглянула на дом и обернулась к Брайану, который отстегнул ремень безопасности и, сияя, смотрел на нее.

Дом был ничуть не похож на картинку в ее голове – на тот, с большими окнами и деревянными ставнями. Все здания на этой улице выглядели так, словно их втискивали вплотную друг к другу и ни один не удосужились отделать до конца. Их дом, казалось, сам стеснялся своего внешнего вида, своей облупившейся краски и черепицы, тронутой желтым мхом.

Брайан сжал ее руку.

– Вот он! Следующая глава нашей совместной жизни. Ну, как тебе?

Ей пришло в голову, что муж должен был знать, что это не тот дом, о котором она мечтала. Но затем Гарриет посмотрела на его лицо и сразу же ощутила прилив вины, отодвинула в сторону свои опасения, могущие его расстроить, и сказала, что ей нравится.

Ей не нравилось.

Брайан ввел ее внутрь и показал каждую из комнат, в то время как Гарриет сдерживала желание закричать. Везде было так тесно и темно. Ей хотелось разорвать стены безликих квадратных комнат, только чтобы впустить немного солнечного света.

Но дом был всё равно больше, чем то жилье, в котором она росла. В детстве Гарриет жила со своей мамой в квартире с двумя спальнями на первом этаже, выходившей окнами на бетонный парк².

² Так у автора. Похоже, нечто вроде сооружения для скейтбордистов, суровая игровая площадка с бетонными лавками.

Та квартира вполне поместилась бы в их домике дважды. Поэтому она знала, что не должна жаловаться, но не могла избавиться от чувства, что никогда не будет счастлива здесь.

Сад позади дома стал ее убежищем. Предыдущими владельцами он содержался безукоризненно. Гарриет вскоре узнала названия всех цветов, которые росли по левой стороне вдоль забора, нуждавшегося в ремонте. Он изгибался внутрь во время зимних ветров, и Брайан категорически утверждал, что это ответственность соседа, хотя она знала, что муж в итоге предпочтет сам отремонтировать забор, чем впутываться в разногласия с тем.

В дальнейшем, после рождения Алисы, Гарриет начала пить свою первую за день чашку кофе на скамейке во внутреннем дворе, пока дочь играла в песочнице в дальнем конце сада.

«Я слепила тебе песочный пирожок, мамочка!» – кричала ее маленькая девочка.

«Замечательно, дорогая. Я буду наслаждаться им вместе с кофе».

«Хочешь чернику сверху?»

«О, с удовольствием!»

Затем Алиса осторожно семенила через траву, стараясь, чтобы кучка песка попала к маме, не развалившись. И Гарриет брала пирожок и притворялась, что ест его, потирая живот, и смеялась.

Воспоминание ударило Гарриет, и поднимающаяся волна

страха заставила ее отступить на пару шагов назад к кухонной раковине. Она видела своего ребенка так ясно – однако Алиса пропала.

Голос констебля Шоу ворвался в ее мысли, и образ Алисы разлетелся на тысячу осколков, прежде чем окончательно раствориться.

– Миссис Ходдер, вы в порядке? – назойливо спрашивала полицейская.

Гарриет обернулась и увидела женщину, помахивающую фотографией Алисы, которую Брайан вытащил из их альбома. Она взяла снимок и провела пальцем по лицу своей дочери.

– Это не лучшее ее фото. Она была расстроена тогда. – Гарриет вспомнила, как Алиса уронила мороженое, а Брайан не позволил купить ей еще одно. Алису пришлось уговаривать улыбнуться в камеру, а это значило, что глаза ее не сияли, как обычно.

– Ну, нам нужно только одно для распространения. Здесь хорошее сходство с вашей дочерью?

Гарриет кивнула.

– Да, но... – Она хотела сказать, что предпочла бы найти получше, когда в дверь позвонили. Она беспокойно взглянула на офицера Шоу, а затем в коридор, где Брайан уже выходил из гостиной.

– Полагаю, это Ангела Бейкер, – сказала офицер. – Она будет вашей ОВС. Офицер по взаимодействию с семьей, –

добавила Шоу, увидев, что Гарриет смотрит непонимающе.

Брайан открыл дверь, отступив в сторону, чтобы впустить посетительницу. Женщина представилась детективом-констеблем Ангелой Бейкер, сказав Брайану, что он может называть ее Ангела, и повторила всё это, когда вошла в кухню и увидела Гарриет.

Каштановые волосы Ангелы были собраны в практичный, аккуратный пучок, остававшийся неподвижным, в то время как сама Ангела очень даже активно двигалась. Она носила серую замшевую юбку, коричневые туфли на низком каблуке и кардиган, который сняла и аккуратно повесила на спинку кухонного стула.

– Я здесь ради вас обоих, – пояснила она. – Меня можно спрашивать о чем угодно, и я буду вашим основным контактным лицом, так что всё это не вызовет у вас особых сложностей. – Она снова улыбнулась. – Наверно, мне стоит начать с того, чтобы приготовить нам всем по чашечке чая? – Она кивнула на чайник. – И мы сумеем пройти через всё то, что поможет нам отыскать вашу дочь как можно скорее. Вы можете подойти и присесть?

Гарриет послушно села за стол, наблюдая за констеблем Шоу, пробормотавшей «до свидания» и выходящей из кухни. Она задумалась, что означает для них прибытие нового детектива. Тем временем Брайан настоял на том, что он сам приготовит всем чай, и пододвинул Ангеле стул.

– Большое спасибо, Брайан! – улыбнулась ему та, и Гар-

риет тут же сообразила, что не должна была с такой готовностью позволить их новой гостье возиться с приготовлением напитка. Но в то же время она не имела никакого желания делать это самой.

– Так вы детектив? – спросил Брайан.

– Да, – сказала Ангела. – Я здесь, чтобы сообщать вам о положении дел, и если вам что-то нужно, вы можете попросить меня. Мы считаем, что семьи предпочитают контактировать с одним человеком. С кем-то, кого они могут узнать получше.

– Но прежде всего вы детектив? – снова спросил Брайан.

– Да. Я буду поддерживать связь с офицерами, которые ищут Алису, – ответила Ангела.

Гарриет знала – это не то, что Брайан имел в виду. Но он никак не реагировал на ответ, пока бросал чайные пакетики в кружки и доставал молоко из холодильника, немного встряхивая бутылку, как всегда делал по привычке, прежде чем аккуратно налить. Они оба понимали – Ангела здесь также и для того, чтобы собирать информацию изнутри их дома, которую можно будет передать офицерам в участок.

– У меня такое чувство, что мы ничего не знаем, – сказал он, когда чай был готов, и осторожно поставил кружки перед Ангелой и Гарриет. – Констебль Шоу немного нам сообщила. Мы даже не знаем, кто разыскивает Алису.

У Брайана на лице всегда был легкий загар, а его щеки обычно имели румяный оттенок повыше аккуратно подстри-

женной щетины, но сейчас весь цвет будто стек с них куда-то. Гарриет была благодарна ему за поддержку беседы. Она боялась, что если сама откроет рот, то может снова сломаться, а это ни к чему полезному не приведет.

– Ну, прямо сейчас многие офицеры ищут ее там, – сообщила Ангела, когда Брайан выдвинул себе стул и присоединился к ним за столом.

– Где они ищут? – спросил он. – Сколько там у вас людей?

– Столько, сколько у нас есть. Мы присвоили делу об исчезновении вашей дочери наивысший приоритет.

– Вы найдете ее? – Его слова, казалось, звенели, когда слетали с языка.

– Непременно, – ответила Ангела, и она выглядела настолько уверенной, что на мгновение Гарриет поверила в это.

– Но вы не нашли того, другого, – продолжал Брайан. – Он всё еще числится пропавшим спустя столько месяцев.

– Нет причин думать на данном этапе, что эти два дела имеют какое-либо отношение друг к другу.

– Но они могут иметь, – упорствовал он. – Этот парнишка пропал в точности, как Алиса, так что, конечно же, они могут быть связаны.

– Мэйсон, – тихо сказала Гарриет. – Его имя Мэйсон.

Они прервались и взглянули на нее. Такое чувство, словно они оба забыли, что она тоже здесь. Черты лица Ангелы смягчились еще больше; она смотрела на Гарриет с выраже-

нием, которое, как надеялась та, не было жалостью. Но Мэйсон Харбридж являлся не просто неким ребенком; он был мальчиком с конкретным именем и матерью, которую пресса разрывала на части. Гарриет знала всё об этом деле, вдумчиво корпела над новостями и постепенно становилась одержимой этой историей, разворачивавшейся шаг за шагом. То обстоятельство, что Мэйсон пропал из деревни в Дорсете, похожей на их собственную, делало случившееся чем-то очень близким к дому.

В родителей не раз тыкали пальцами, но Гарриет не верила, что они причастны к этому. Ее сердце расположилось к ним, когда она увидела, как пресса вторгается в их жизнь, выставляя что угодно об их семье для всеобщего обозрения. Никто не предполагал, что пройдет семь месяцев, а о маленьком Мэйсоне всё еще не будет новостей.

– Как я уже сказала, нет никакой связи между исчезновением Алисы и исчезновением Мэйсона, – говорила Ангела. – Насколько нам известно к этому времени – ваша дочь ушла с праздника по собственному желанию и потерялась.

– Я просто не могу поверить, что никто ничего не видел! – воскликнул Брайан, трясая головой, откинувшись на спинку стула. – Там должны были находиться толпы людей. – Он перевел взгляд с Ангелы на Гарриет. – До меня не доходит. Я не понимаю вообще ничего. – Брайан встал и подошел к раковине, сложив руки вместе перед губами, как в молитве. – О, Боже. Я не могу понять – почему, Гарриет?

– Что «почему»? – спросила она, хотя точно знала, что он имеет в виду.

– Ты знаешь, что я хочу сказать. Почему Алиса была с Шарлоттой? Почему не с тобой? Где была ты?

Гарриет прикусила нижнюю губу. Она чувствовала, как Ангела внимательно наблюдает за ней.

– Я была на курсах, – сказала она.

– На курсах? В каком смысле – на курсах? – Он всплеснул руками и оперся ими на кухонную стойку по обе стороны от себя, словно пытаясь успокоиться. – Гарриет, – повторил он, – о каких курсах ты говоришь?

– Бухгалтерские курсы, – ответила она наконец.

Он уставился на нее, застыв. Потом его губы шевельнулись, но не издали ни звука. Когда он заговорил, его голос был мягким.

– Я ничего не знал о бухгалтерских курсах. Ты никогда не упоминала о них при мне.

– Ну как же, – медленно произнесла Гарриет, глядя ему в глаза. – Я говорила тебе об этом на прошлой неделе.

Брайан сильнее нахмурил брови, когда вернулся к столу и снова уселся рядом с ней. Она чувствовала его замешательство, но также хотела напомнить ему, что всё это теперь не имеет значения.

– Нет, любовь моя, – возразил он, протягивая ей руки ладонями кверху над столом. – Нет, это определенно не так. – Гарриет вложила свои руки в его, и он обхватил их пальца-

ми. – Но сейчас это не важно, верно? Поиски Алисы превыше всего. – Он повернулся к Ангеле. – Я хочу быть там и искать свою дочь, – сказал он. – Я чувствую себя бесполезным, сидя здесь.

– Я понимаю, что вы желаете быть там, но, честно говоря, здесь – лучшее место, где вы можете сейчас находиться. Итак, Гарриет, – сказала она. – Расскажите мне о Шарлотте. Вы часто оставляете Алису с ней?

– Нет-нет, – ответила Гарриет. – Я никогда не делала этого раньше. – Ее ладони стали горячими и липкими. Она вытаскала их из рук Брайана и вытерла о переднюю часть своей юбки.

– Так с кем вы обычно ее оставляли?

– Я никогда ни с кем не оставляла Алису.

– Никогда? И вашей дочери четыре? – Ангела выглядела удивленной. Гарриет уже привыкла к подобной реакции.

– У Гарриет нет никакой необходимости оставлять Алису с кем-либо, – вмешался Брайан. – Ее работа – быть матерью.

Ангела бросила на Брайана пытливый взгляд, но не стала уточнять. Гарриет предположила, что если у Ангелы есть дети, то она, вероятно, часто их оставляет, особенно с такой сложной работой.

– Но сегодня вам нужен был кто-то, чтобы присмотреть за ней? – спросила Ангела. – И ваш первый выбор пал на Шарлотту?

– Да, – подтвердила Гарриет. Она не стала добавлять, что

подруга была ее единственным выбором.

– Алиса радовалась Шарлотте? Она хорошо ее знает?

– Она знает ее с самого рождения, – сказала Гарриет. – Я повстречала Шарлотту до того, как забеременела.

– Кстати, Брайан, – Ангела повернула лицо к нему. – Вы же рыбачили сегодня? Куда вы ездили?

– Чесил-Бич, – ответил он. – Но зачем вам нужно это знать? Неужели я под подозрением?

– Нет-нет, это не так. Нам просто очень важно составить полную картину про всех близких Алисы. Но Чесил-Бич – прекрасное место, – сказала Ангела. – Мой папа всегда ходил туда. Он говорил, что нет ничего лучше, чем сидеть одному на пляже с бутылочкой пива и удочкой. Вы были один?

– Да. И я не пью.

– Мой отец частенько выходил и на лодке тоже. Тут есть чудесное местечко прямо за...

– Я никогда не хожу на лодках. Я не покидаю пределы пляжа. Но если вам нужно имя кого-то, кто подтвердил бы, что я был там, вы можете спросить Кена Харриса, – сказал Брайан. – Он находился там на своей лодке сегодня. Он должен был меня заметить.

Ее муж никогда раньше не упоминал никого, с кем рыбачит. Гарриет всегда полагала, что он держится сам по себе.

– Спасибо, Брайан, – улыбнулась Ангела. – И я хотела бы также узнать некоторые подробности о ваших курсах, Гарриет, если вы не против.

Гарриет кивнула и встала, чтобы достать из сумки официальные бумаги.

– И не могли бы вы принести мне еще и зубную щетку Алисы? – попросила Ангела, делая пометки в блокноте.

– Что? – Гарриет остановилась и повернулась, глядя на Ангелу.

– Ее зубную щетку. Это просто стандартная процедура, так что мне нужны некоторые ее вещи.

– О Господи! – воскликнул Брайан, оперевшись ладонями о стол и дернувшись на своем стуле назад так, что тот пронзительно скрипнул по полу. – Вы уже думаете об этом?

Гарриет вышмыгнула из кухни, поднялась по лестнице и вошла в ванную, где больше не могла слышать разговор Брайана с Ангелой. Ее дрожащие руки сжимали край умывальника. Она знала, что зубная щетка Алисы нужна им для ДНК. Это означало, что они уже думали о худшем – что они найдут тело вместо ее дочери.

Алисина розовая зубная щетка скользнула меж пальцев Гарриет и закувыркалась в умывальнике, когда та потянула к ней руку.

Две оставшиеся выглядели как-то одиноко и неправильно. Древняя синяя щетка Брайана и ее собственная, со щетиной, торчащей во все стороны. Гарриет схватила щетку Алисы и вставила обратно в стакан. Ангела сможет обойтись и новой, нетронутой, из ящика. Там были еще две, в коробке, увиде-

ла она, открыв ящик и пробежав пальцами по жесткому пластику.

– Что ты делаешь?

Гарриет подняла взгляд и увидела в зеркале два лица. Ее было мокрым от слез, текущих ручьями. Она даже не заметила, что плачет. Отражение Брайана приблизилось за плечом, он взял ее за руки и развернул к себе лицом. Потом вытер ей слезы одним движением пальцев, оставив влажные следы на ее щеках.

– Им нужна зубная щетка, Гарриет, – сказал он и протянул руку, чтобы взять ее из стакана и отнести вниз Ангеле.

Гарриет смотрела на пустое место, оставленное им, и удивлялась, как он мог так легко это сделать. Он небрежно выбрал фото, вероятно, первое попавшееся на глаза; а теперь с готовностью передавал им зубную щетку своей дочери. Но Брайан хорошо держал себя в руках. Он делал то, что было необходимо, чтобы помочь полиции найти Алису, и теперь Гарриет оставалось лишь прокручивать в памяти, как дочка чистила зубы этим утром.

«Готово, мамочка!» – сказала она, автоматически широко открывая рот, чтобы мама проверила.

«Великолепно! – ответила ей Гарриет. – Зубные феи будут довольны тем, какие они блестящие!»

Свежая волна слез заставила ее вновь вцепиться в умывальник, как будто он был единственной вещью, поддерживающей ее и не дающей упасть. И в конце концов Брайан

опять появился в ванной, разжал ее руки и отвел обратно на кухню, где терпеливо ждала Ангела.

– Мне нужно знать, что она делала, когда наша дочь пропала, – потребовал Брайан, когда проводил Гарриет на место и сел рядом с ней. – Я хочу знать, чем занималась Шарлотта, потому что она явно не присматривала за Алисой.

– У вас наверняка накопилось много вопросов, – сказала Ангела. – Я не могу ответить на этот сама. Полностью – не могу.

– Куда она уходила? Она не могла быть возле надувнушки, иначе увидела бы, куда пошла Алиса.

– По-моему, она ждала в палатке прямо рядом с надувнушкой вместе со своей младшей дочерью, – ответила Ангела.

– Значит, не глядя, – продолжал Брайан. – Не следя за моей дочерью, как я и сказал. Она, наверное, уткнулась в телефон. Вы можете видеть это повсюду, постоянно – матери не обращают внимания на своих детей, потому что пялятся в гаджеты. Половину времени они понятия не имеют, где их дети. Вот почему я этого не понимаю, Гарриет. Я не понимаю, почему ты попросила ее присмотреть за Алисой. Ты всегда говорила, что Шарлотта погружена в себя, что она позволяет своим детям носиться, как дикие звери.

– Нет, – сказала Гарриет ошеломленно, – я никогда так не говорила.

– Я уверен, что ты это делала.

– Это неправда, – возразила она. Дети Шарлотты не были дикими; они были шумными, полными жизни и энергии. «Дикие» – это не то слово, которое она когда-либо использовала.

– Однажды ты сказала мне, что не доверила бы ей Алису. – Брайан остро взглянул на нее. – Что она с головой не дружит.

– Нет! – воскликнула Гарриет, и ее лицо вспыхнуло от смущения. – Я никогда не говорила этого. – Она почувствовала, как Ангела пристально смотрит на нее, и попыталась вспомнить, когда же она могла сказать нечто, что Брайан неправильно истолковал. Но даже если Гарриет так сделала, она не это имела в виду.

Брайан взял свою кружку, сделал глоток чая, поморщился и поставил обратно. Должно быть, уже остыл.

– Я просто никак не ожидал, что ты доверишь ей Алису, – добавил он.

– Есть еще несколько вещей, которые мне действительно нужно выяснить у вас обоих, – сказала Ангела, и Брайан кивнул, чтобы она продолжала. – Давайте начнем с родных. Бабушки и дедушки Алисы, тети, дяди.

– Их немного, – ответил Брайан. – Мой отец умер пятнадцать лет назад, а моя мать... – Он запнулся и выпрямил плечи. – Моя мать бросила нас, когда я был совсем юным. Я не вижу с ней. Родители Гарриет оба умерли.

– Братья и сестры?

– Ни у одного из нас их нет, – ответил он.

– Значит, только ваша мать, Брайан? – спросила Ангела. – Когда в последний раз вы ее видели?

Он пожал плечами:

– Много лет назад, я не уверен точно.

Гарриет наблюдала, как ее муж пытается выдать свою мать за потерянную. Она точно помнила, когда он видел ее в последний раз, и знала, что Брайан тоже помнит. Это было почти восемь лет назад. Он познакомил ее с Гарриет через месяц после того, как они начали встречаться.

– А она знает, где вы живете, или знает про Алису? Может ли быть какая-то причина, чтобы она стала разыскивать внучку?

– Я сомневаюсь, что она вообще в курсе, что у нее есть внучка.

– Вы сомневаетесь? Думаете, что ваша мама могла бы? – спросила Ангела.

– Она не знает, – заявил Брайан. – Мне бы и в голову не пришло... – Он отвел взгляд, и Гарриет подумала, не рассказывал ли он когда-нибудь матери об Алисе. Гарриет могла представить, что он сейчас чувствует, если это было так.

Ангела продолжала спрашивать о других родных и о близких друзьях, но было ясно, что их круг до болезненного мал. Гарриет сказала ей, что не поддерживает связи с бывшими коллегами; она виделась с некоторыми из мамочек очень редко, но и то лишь потому, что те являлись подругами Шарлотты. К сожалению, было очевидно, что имелся только один

человек в ее жизни, которого она видела регулярно, и этот человек только что пропал. Ее дочь.

Жизнь Брайана была не намного интереснее. Он покидал дом в восемь часов каждое утро и ехал на работу в страховую компанию, в которой числился уже пять лет. Он непременно возвращался домой к пяти тридцати вечера, без опозданий. Он не пил, не устраивал рождественских вечеринок, не посещал никаких праздников и нисколько не беспокоился, что у него нет никого, кого можно было бы назвать настоящим другом.

Каждую субботу Брайан отправлялся на рыбалку. Он уходил рано и возвращался в какое-то время после полудня, и до сегодняшнего дня никогда не упоминал никого из встреченных там людей по имени.

Несколько позже Ангела упомянула о полицейском обращении, которое, скорее всего, будет сделано следующим утром и появится на всех главных новостных каналах. Они также обсудили возможность встречи Гарриет и Брайана с Шарлоттой.

– Я не могу этого сделать, – сказала Гарриет. Мысль о том, чтобы сидеть напротив Шарлотты и видеть ее лицо, искаженное чувством вины, была для нее как удар ножом в живот.

– Всё нормально, – ответила ей Ангела. – Вам не обязательно, если вы не готовы.

– Скоро у тебя будут иные чувства, – заметил Брайан. Гар-

риет проигнорировала его комментарий – она знала, что не изменит своего мнения.

Но пока мысли о Шарлотте и предстоящем обращении крутились в ее голове, перспектива провести ночь без Алисы в соседней спальне глубоко ее волновала и терзала. Как она с этим справится? Как Гарриет будет чувствовать себя, пока Алисы рядом нет? Жизнь без ее малышки казалась невозможной.

Всё, что она могла сейчас видеть, – это лицо своей дочери, бледное и испуганное.

«Мамочка! Где ты?»

Гарриет находилась в ловушке. Внутри своего собственного тела и внутри их дома, не имея понятия, что она должна сделать для дочери. Абсолютное отчаяние прорвалось наружу, как вспышка молнии, встряхнуло и подбросило ее вертикально, заставив испустить резкий, гортанный крик.

Брайан вскочил со стула и кинулся к жене, крепко обхватывая ее руками, успокаивая и говоря, что всё будет в порядке.

– Всё это вина Шарлотты, – прошипел он Ангеле. – Ведь в довершение ко всему это не первый ребенок, которого она теряет.

Шарлотта

В семь часов вечера субботы я приняла вызов от старшего

инспектора Хейза. Он позвонил сообщить, что Гарриет желает меня видеть, хотя и говорил ранее, что она отказалась.

– Конечно, я пойду, – ответила я на его вопрос, готова ли я увидаться с ними в их доме, хотя и прокручивала в голове все возможные сценарии встречи с Гарриет, и ни один не заканчивался хорошо. – Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь присмотрел за детьми.

– Понимаю, – отозвался он. – Я могу прислать офицера из тех, кто поблизости.

– Нет, в этом нет необходимости, – заверила я. Полицейский – нянька детей только напугал бы. – Я смогу быть там через час, если вы не возражаете, – добавила я и повесила трубку. Я позвонила Тому, как только вернулась домой после праздника, так что знала – он примчится, когда мне будет нужно.

Я уже встречалась с инспектором Хейзом в тот день. Одри настояла, что я должна покинуть праздник, а она отвезет меня и детей обратно домой в моей машине. Я смотрела в окно автомобиля, пока она переключала передачу на задний ход, бормоча под нос, что «с этой дерьмовой парковки еще черта с два выберешься».

– Мне не следовало бы уходить, – сказала я. – Я должна искать ее вместе со всеми остальными. – Стихийные группки родителей формировались в поисковые команды на поле, вопреки просьбам полиции не вмешиваться.

– Нет, ты должна быть со своими детьми, – возразила Одри. – Сейчас ты нужна им больше, чем когда-либо, и это не то место, где им следует оставаться.

Я знала, что она права. Но когда Одри пробиралась между припаркованными машинами, я почувствовала себя опустошенной, как дополнительное автомобильное кресло, закрепленное позади меня. Место между Молли и Эви было зияющим напоминанием о том, что я не только потеряла Алису, но теперь еще и уезжаю прочь от нее.

Мы выехали с парковки, обогнув угол поля справа от нас. Макушки надувных пальм на «Джунглях», виднеющиеся на дальнем краю поля, больше не раскачивались. Теперь никто не желал отпускать своих детей туда, даже если это место и не являлось местом преступления.

– Там и без того достаточно людей, – продолжала Одри. – Полиция даже не хочет, чтобы они тоже искали. Взгляни на это место, – шепнула она. – Никому не надо сейчас оставлять здесь своих детей. – Еще две полицейские машины миновали нас, их синие огни беззвучно вспыхивали. Я видела в боковое зеркало, как они подъехали к месту праздника.

Хейз приехал ко мне домой в четыре тридцать вечера. Тогда он и сообщил, что Гарриет отказывается меня видеть.

– Я пробовала дозвониться до нее, – произнесла я. – Я попыталась сразу, как только вернулась домой, но ее мобильный, наверно, выключен. – Я держала телефон и смотрела на экран, на фото своих детей, улыбающихся мне в ответ. Я на-

бирала номер Гарриет несколько раз. Каждый раз я задерживала дыхание, пока не включалась голосовая почта, и я могла повесить трубку, чтобы снова дышать. – У нее, наверно, есть вопросы, – сказала я детективу³. – Она, должно быть, хочет услышать от меня, что случилось. Я знаю, что мне бы этого хотелось. – На ее месте я бы орала на меня и била кулаками в грудь, пока не обессилела. Требовала бы объяснений, умоляла бы найти свою дочь или повернуть время вспять и изменить то, что произошло.

– Все люди разные, – отозвался Хейз, и я кивнула, потому что тут точнее и не скажешь.

Когда детектив позвонил в семь вечера для новой беседы, я как раз набирала ванну для купания своих девочек. Я завершила короткий разговор, выключила воду и набрала мобильный Тома.

– Есть новости? – спросил он, когда поднял трубку.

– Нет пока, – сказала я ему.

– Ох, Шарлотта. Ты по-прежнему уверена, что я не могу как-нибудь помочь?

– На самом деле можешь. Мне нужно отъехать и увидаться с Гарриет. Мог бы ты посидеть с детьми?

– Да, конечно. Как там Гарриет?

– Я еще не разговаривала с ней. Когда ты сможешь прие-

³ Хейз, как мы помним, – инспектор, что не отменяет и того, что он детектив. Старший детектив-инспектор – полностью звучит его должность. Т. е. начальник над обычными детективами.

хать?

– Я не знаю, ну, м-м, через полчаса?

– Хорошо, – ответила я.

– Так ты вообще ничего больше не слышала про Алису? – спросил Том снова.

– Нет, ничего.

– Это было по телевизору. Я только что видел в новостях.

– О, Боже. – Я вздохнула. Мне уже дважды звонили журналисты, но, как посоветовал инспектор Хейз, я оба раза говорила: «Без комментариев».

– Прости, Шарлотта, я не знаю, что и сказать.

– Ничего не говори. Просто приезжай ко мне, чтобы я смогла выбраться туда.

Я сидела на краю кровати и ждала Тома, а вода в ванне медленно остывала в соседней комнате. Мой телефон опять вспыхнул новым текстовым сообщением от классной руководительницы. «Есть какие-нибудь новости? Я могу чем-нибудь помочь?» Я прочитала текст и бросила телефон рядом с собой. Рано или поздно мне придется ответить на все сообщения, полученные с тех пор, как я покинула праздник, но я ничего не могла делать, пока не пройду через эту встречу. Я сидела в полумраке, с задернутыми занавесками, и терзалась единственным вопросом: что, черт возьми, я скажу Гарриет?

Мне придется посмотреть ей и Брайану в глаза и сказать, что у меня нет ничего, чтобы их как-то успокоить. Никаких объяснений, никаких оправданий. Даже ни одного совета,

способного принести им облегчение. Они спросят меня, что произошло с Алисой, и я должна буду признаться, что понятия не имею.

«Она побежала за “Джунгли” вместе с Молли».

«И что потом?» – спросят они.

«Я не знаю. Я просто не знаю, что случилось с вашей дочерью».

Молли и Джек рассказали мне, что они сняли свою обувь за надувнушкой, но в возбуждении никто из них не задержался помочь Алисе, подождать ее или хотя бы обратить внимание, вошла ли она. «Тебе десять, Джек! – воскликнула я тогда. – Почему ты не убедился, что девочки в безопасности, как я тебя просила?»

Джек взглянул на меня со страдальческим выражением лица. Я знала – нельзя надеяться на то, что мой сын станет смотреть за другими детьми. Почему же тогда я предположила, что он это сделает? У Джека золотое сердце, но он последний мальчик, на которого можно возложить ответственность.

«Молли! – повернулась я к своей дочери. – Алиса бежала после тебя. Почему ты ей не помогла? Что ты делала – гналась за Джеком и забыла, что она вообще там была?» Я знала, что не должна переносить свою вину на них, но всё равно эти слова сорвались с моего языка.

Глаза Молли наполнились слезами. «Прости, мамочка!» – всхлипнула она.

Я притянула ее к себе и сказала, что нет, это я виновата. Это не ее промах. «Я не говорю, что ты сделала что-то дурное», – добавила я, хотя, конечно, подразумевала именно это.

Здесь был только один человек, который в этом виноват. Который погрузился в сообщения и «Фейсбук» и, возможно, поглядывал изредка, но явно недостаточно, чтобы заметить Алису. В глубине души я знала, что не видела, как она скатывалась с горки. Там были только мои двое, которых я рассмотрела из тени палатки. И это означало, как и сказал констебль Филдинг, что Алиса, скорее всего, даже не вбежала туда.

Как только Том приехал, я поцеловала детей на ночь и сказала им, что увижу их утром. Затем я попыталась выйти из дома прежде, чем мы втянемся в разговоры, но не успела добраться до входной двери, как Том меня остановил.

– Ты в порядке? – спросил он.

Я покачала головой, вонзая ногти себе в ладони, чтобы не расплакаться.

– Разумеется, нет, но я не хочу об этом говорить.

– Это было в заголовках новостей. – Том беспокойно потер руки. – Полагаю, этого следовало ожидать.

– Да, так и должно быть. Что-то вроде того... – Я замолчала. – Мне действительно нужно идти, Том.

Том кивнул, и я знала, что он хочет еще что-то добавить,

но открыла входную дверь, не желая давать ему эту возможность.

– Я только что видел Криса Лоусона, когда подъезжал, – произнес он. – Он сказал мне, что они отменили свою сегодняшнюю вечеринку.

– Меня вообще не волнует на самом деле, есть они или их нет.

– Нет, я знаю, я просто говорю. Они все же твои друзья и соседи. Они хотят поддержать тебя.

Я шагнула в палисадник, и он тоже сделал шаг вслед за мной.

– Куда это ты собрался, Том? – Я знала его достаточно, чтобы понимать, что он сказал еще не все.

– Я просто... – Том запнулся и провел рукой по своим волосам, заставляя их вздыбиться пучками на макушке. – Крис упомянул, что в Интернете были высказаны некоторые вещи, вот и всё. Я не хочу, чтобы ты неожиданно на них наткнулась.

– Какие вещи?

– Глупые люди, которым больше нечего делать, только и всего. Не твои друзья. Никто из них тебя не знает, Шарли.

– Какие вещи? – спросила я снова, чувствуя, как горло горит от страха.

– Просто... – уныло вздохнул он. – Что ты делала, когда она пропала? Почему наши дети в порядке?

Я отшатнулась, как если бы он меня ударил.

– О, Шарлотта, – сказал он, потянувшись и взяв меня за руки.

– Я не могу разговаривать об этом сейчас! – вскрикнула я, вырываясь.

– Прости меня. – Том уставился на меня, словно ему было больно или он волновался, а может быть, и то, и другое. – Мне не следовало ничего говорить.

– Ну, теперь уже слишком поздно, не так ли? – оборвала я его и побежала к машине, прежде чем он успел бы произнести еще хоть одно слово.

Я редко бывала в доме Гарриет, потому что она предпочитала сама приходить ко мне. Она часто сидела возле моего кухонного островка и нежно водила руками по его дубовой поверхности, как будто та была сделана из самого драгоценного дерева.

«Гарриет, тебе не стоит волноваться», – рассмеялась я однажды, когда она осторожно приподняла свою кофейную кружку, проверяя, не остались ли мокрые кольца, потому что я не дала ей подставку.

«Привычка», – пробормотала она, смущенно улыбаясь.

«Ну, я не беспокоюсь о пятнах, – заметила я. – Дети ставят их достаточно много».

Но она всё равно проводила рукой по поверхности и рассказывала обо всем, что ей нравится в моем доме, пока я внутренне умоляла ее остановиться.

В отличие от моего, дом Гарриет был маленьким и невыносимо темным. В первый раз, когда я его посетила, она извинялась за недостаток света, быстро провожая меня на кухню в задней части дома.

«Не глупи, всё замечательно, – сказала я. – Не могу поверить, что ты покрасила всё это сама».

«Ну, на самом деле красить здесь было особо нечего, – вздохнула она. – Он не очень большой. Не такой, как твой прекрасный дом».

В следующий раз, когда Гарриет была у меня, я поймала себя на том, что нарочно указываю на сколотый плитус, стол, требующий ремонта, и трещину, проходящую вдоль потолка гостиной.

Я тоже придумывала всякие штуки. Маленькие безобидные истории, показывающие мою, как она думала, идеальную жизнь на самом деле не такой уж идеальной. Я жаловалась, что Том слишком много работает и я почти его не вижу. Рассказывала, как я иногда ненавижу свою собственную работу и мечтаю отсюда уйти. Я говорила, что ей повезло быть замужем за Брайаном, который всегда возвращается домой к пяти тридцати вечера, и они могут пить чай всей семьей.

Я не лгала, когда говорила, что ужин в нашем доме не был приятным переживанием. Моим детям не нравилась одна и та же еда, и большинство вечеров заканчивалось тем, что я давала им рыбные палочки или пиццу, потому что это единственные блюда, на которые никто не жаловался. Однако я

умолчала, что Том только усугублял мои страдания во время кормления, поэтому мне легче было переносить их без него. Я не призналась, что мысль о том, как он заходит в дверь в пять тридцать каждый вечер без опозданий, на самом деле является моим персональным адом.

Но Гарриет выглядела умиротворенной, когда сказала:

– Да, мне очень повезло, что Брайан никогда не работает допоздна.

Я свернула с основной дороги к домам, плотно скученным вместе. «Друг на друге», – говорил про них Том.

Даже в это время, вечером, улица Гарриет была переполнена машинами. Мне пришлось проехать мимо дома, чтобы найти тесное парковочное место между двумя просевшими бордюрами на другой стороне дороги.

Рядом с палисадником Гарриет болталась кучка журналистов, поэтому мне дали номер офицера по контактам с семьей, чтобы позвонить, когда я приеду. Она выйдет и встретит меня. Я оглянулась на дом – его окна потемнели от задернутых штор. От мысли, что они сидят внутри, поглощенные несчастьем, случившимся из-за меня, мне захотелось вновь запустить двигатель, развернуться и уехать прочь. Но я не могла позволить себе такой роскоши. Проглотив комок, застрявший в горле, я набрала номер и сообщила ответившей женщине, Ангеле, что я здесь.

Убийственная духота висела в воздухе их гостиной. Но всё

равно по моей спине бежали мурашки, когда я вошла в эту маленькую комнатку, словно в ящик с давящими стенами. «Тесно, как в могиле», – сказал бы о ней Том.

Их офицер по контактам с семьей, Ангела, провела меня к остававшемуся свободному месту – креслу в углу комнаты, напротив дивана. На диване, прижавшись друг к другу, сидели Гарриет и Брайан. Брайан держал руку жены у себя на коленях, надежно прикрывая ее ладонями. Его пальцы играли, вжимаясь в ее руку, растопыриваясь и вновь сдвигаясь, словно у нервничающего подростка.

Когда я нетвердой походкой пересекла комнату и неловко уселась в кресло, глаза Брайана следили за мной. Его тело прикрывало Гарриет, как оборонительная стена, защищающая и ограждающая ее от меня. Внутри этой крепости Гарриет казалась мертвенно неподвижной. Она неотрывно смотрела в окно остекленевшим взглядом и не решалась взглянуть на меня.

Молчание было ледяным, как и общая атмосфера в комнате, пока Ангела не нарушила его.

– Могу я предложить вам чашечку чая, миссис Рейнолдс? – спросила она.

Я покачала головой.

– Нет, спасибо. – Мой голос был лишь ненамного сильнее, чем шепот. Я старалась не смотреть на Брайана, только на Гарриет, но она не отводила глаз от окна.

– Может быть, вам стоит рассказать Гарриет и Брайану,

что произошло, – тихо произнесла Ангела. – Что случилось, когда Алиса отправилась в «Джунгли».

Я кивнула. Я чувствовала, как напряглись Гарриет и Брайан, а мои собственные мышцы заныли от неудобной позы в кресле. Я понятия не имела, как начать.

– Я, эм-м... – Я осеклась и громко сглотнула, вдохнув большую порцию воздуха, с шипением втянув его сквозь зубы. – Простите меня, – выговорила я. – Я знаю, всё, что я скажу, – ничего не значит... – Я снова сделала паузу. Брайан продолжал взглядом сверлить во мне дыру, будто пытаюсь разглядеть правду под моей кожей, но Гарриет по-прежнему на меня не смотрела.

Подол платья промок подо мной от липкого пота. Я заерзала на кожаном кресле, заставив его скрипнуть под влажностью бедер, но едва ли мое покрасневшее лицо могло выразить еще большее смущение.

– Простите меня... – снова начала я.

– Простите, что не вернула вашу дочь, – перебил Брайан спокойным, сдержанным голосом. – Но мы не хотим слушать твоих извинений. Мы желаем знать, что произошло сегодня. Как ты потеряла Алису. – Его пальцы продолжали разжиматься и вновь сжиматься вокруг руки Гарриет. Гарриет глубоко вздохнула.

Брайан наклонился вперед, перенеся вес своего тела на край дивана. Теперь я могла яснее видеть его глаза – красные прожилки тянулись из уголков. Он, должно быть, плакал, но

теперь они просто придавали ему злой вид.

– Что случилось? – рявкнул вдруг он. – Потому что нам нужно знать, как ты потеряла нашу дочь.

У меня перехватило дыхание.

– Мне очень жаль, Брайан. Я не знаю, что случилось.

– Ты не знаешь? – Он издал короткий смешок, и одна его рука взметнулась в воздух, что заставило Гарриет подпрыгнуть. Брайан придвинулся к ней поближе, плотнее укутывая в объятиях, и хотя я чувствовала ужасную вину перед ним, я хотела, чтобы он куда-нибудь ушел, чтобы я могла поговорить со своей подругой.

– Я не это имела в виду, – сказала я. – Просто всё произошло очень быстро. В какую-то долю секунды. Алиса пошла к задней части надувнушки с Молли и Джеком, но потом она не... – Слова застряли у меня в горле, и я снова тяжело вздохнула. – Она оттуда не вышла. И как только я это поняла – я сама отправилась на ее поиски. Остальные дети пошли со мной, но... – я покачала головой, – ее там не было.

Я понимала, что это прозвучало слишком резко, и мои объяснения неловко повисли в воздухе, пока я ожидала реакции Брайана.

Но заговорила Гарриет. Ее голос ворвался в комнату неожиданно, как что-то неуместное здесь и сейчас.

– Как долго ее не было, прежде чем ты заметила?

Она продолжала смотреть в окно. Это был вопрос, которого я ожидала.

– Думаю, около пяти минут, – тихо ответила я, желая, чтобы она взглянула на меня через плечо мужа. Я сдвинулась в кресле на дюйм вперед, и скрипучая кожа издала еще один неприятный звук. Моя рука вздрогнула, как будто я хотела дотянуться до Гарриет, но та почти инстинктивно забралась глубже на диван.

Наконец она повернула голову, и мы встретились глазами.

– Пять минут – кажется, не очень долго, – сказала Гарриет. – Она не могла уйти далеко за пять минут.

– Ну, может, это было немного дольше. Я не уверена точно, но это было недолго, клянусь тебе.

Гарриет снова отвернулась, уставившись в окно.

– Я не знаю, куда она пошла, прости, – произнесла я. – Мы искали везде, и...

– А что именно ты делала? – На контрасте с мягкостью голоса Гарриет, голос Брайана казался невероятно мощным. – Когда она пропала, что ты на самом деле делала, из-за чего не следила за моей дочерью?

– Я ждала их с передней стороны.

– Но я хочу знать, что ты делала, – настаивал он. – Потому что это не то, что тебе следовало делать.

– Я была с Эви, – сказала я. – Я просто ждала.

– Ты копалась в телефоне? – Он повысил голос, звучащий теперь, как лай. – Ты отвлеклась?

– Я... э-э, ну... я посмотрела на свой телефон, но только на мгновение. Я ведь всё-таки присматривала за детьми,

и... – Я остановилась. Конечно, я не следила за детьми, иначе никого из нас сейчас здесь бы не было. Алиса спала бы в своей кровати наверху.

– Но ты не караулила ее, верно? – Слова Брайана ощущались так, словно он кричал на меня, но на самом деле это было не так. Он был напряжен, но тихо шипел сквозь зубы. Он придвинулся вперед, наклонившись с дивана. Его лицо теперь было всего в нескольких дюймах от моего, и, как бы я ни хотела отшатнуться, я не могла пошевелиться.

– И ты не видела ничего, – продолжил он, и всё что я могла сделать, – это снова качать головой, пока слезы не полились из моих глаз и не поползли по щекам. Его взгляд зацепился за эти тонкие струйки, и я наскоро смахнула их тыльной стороной ладони. Он, казалось, собирался что-то сказать на эту тему, и тут из-за его спины донесся робкий голос Гарриет:

– Как ей там было?

Брайан молча втянул воздух своими раздувшимися ноздрями.

– Прости, ты о чем? – Я отклонилась в сторону, чтобы взглянуть на нее через Брайана.

– Как там было Алисе? Ей понравилось?

– О, да, она была совершенно счастлива. – Я попыталась изобразить слабую улыбку. Я понимала, что Брайан имеет полное право находиться здесь, но как бы мне хотелось взять Гарриет за руку и поговорить с ней наедине. Только она и я. – Она находилась вместе с Молли, – добавила я. – И выглядела

абсолютно довольной. Она ни из-за чего не расстраивалась.

– Что она ела? – спросила Гарриет.

Брайан обернулся и посмотрел на нее.

– Что она ела? – переспросил он.

– Да, – тихо сказала она, встретившись с ним глазами. – Я хочу знать, что Алиса ела на празднике. Пока она... – Гарриет не договорила.

– У нее была сахарная вата, – ответила я быстро. Слезы продолжали бежать по моему лицу. Я перестала их вытирать, вспомнив, как аккуратно Алиса отщипывала сладкую паутину.

– Ох! – Гарриет вскинула руку ко рту. – Она никогда раньше не ела сахарную вату.

У меня упало сердце. Глаза Гарриет были широко открыты и мокры от слез. Я хотела сказать ей, что Алиса наслаждалась этой ватой, что ей понравилось. Я была уверена, что Гарриет хотелось бы это знать, но Брайан снова вмешался.

– Ты имеешь в виду, что ты не успела накормить ее нормальным обедом, – выпалил он. Однако тут его прервал жуткий вопль, мучительно долгий, заполнивший комнату страданием.

Это кричала Гарриет, резко нагнувшись вперед и крепко обхватив свою голову ладонями.

– Я не могу больше это выносить! Уходи отсюда, Шарлотта! Мне нужно, чтобы ты ушла. Пожалуйста, просто убирайся прочь из этого дома!

Брайан сразу же обхватил ее раскачивающееся тело руками, шепча слова, которые я не могла услышать.

– Пожалуйста, Шарлотта, просто уйди! – всхлипнула она.

Я встала, мои ноги дрожали. Я тоже не могла это больше выносить.

В дверях Ангела протянула мне руку и посторонилась. В оцепенении я к ней приблизилась.

– Мне так жаль, – прошептала я. Слезы катились по моим щекам.

– Только не говори мне опять о своих сожалениях, – процедил Брайан над головой жены. Его щеки были в огненно-красных пятнах. – Теперь ты можешь вернуться к своим детям. Тебе удалось доставить их домой в сохранности.

– Я думаю, вам лучше уйти, – сказала Ангела, взяв меня под руку и провожая в коридор.

– Я сделаю всё, что смогу, – всхлипнула я. – Я сделаю всё возможное, чтобы вернуть Алису. Вы можете им это сказать? Я сделаю всё, что угодно.

Сейчас

– И вы ничего не слышали от Гарриет с того вечера? – спрашивает детектив Роулингс. – С тех пор, как приходили к ним домой?

– Совершенно верно.

– До сегодняшнего утра, – уточняет она. – Тринадцать дней спустя.

– Ничего. – Мне становится труднее дышать. – Пока она не позвонила мне сегодня.

Я чувствую, как пол будто уходит из-под ног, а воздух становится тяжелее. Я ожидаю, что детектив расспросит меня подробнее о звонке, но она этого не делает, и я понимаю, что нет смысла пытаться предугадать ее вопросы.

– Вы сказали, что хотели бы поговорить с Гарриет наедине. Почему?

Я меняю позу на жестком пластмассовом стуле.

– Наверно, потому, что Гарриет моя подруга, а Брайана я в общем-то не знаю. Я хотела поговорить с Гарриет и... – Я прерываюсь и откидываюсь на спинку стула, глядя на часы. Их ярко-красные цифры расплываются перед глазами. – Я хотела сказать ей с глазу на глаз, как ужасно себя чувствую, – в конце концов признаюсь я. – Я надеялась, что если смогу поговорить с Гарриет только вдвоем – она и я, как раньше, – тогда сумею дать ей понять, что не делала ничего плохого, как это предполагал Брайан. Да, я выпустила детей из поля зрения, и больше всего на свете я хочу, чтобы этого не случилось, но я всё равно была там, в нескольких метрах, и Алиса действительно просто исчезла. Я хотела, чтобы Гарриет поняла, что я присматривала за ней, как и обещала, только... – Слезы жгут мне глаза. – Только я всё равно знала, что это не так.

Детектив Роулингс в замешательстве смотрит на меня.

– Если бы я следила за ней как следует, Алиса бы не ис-

чезла, – поясняю я. – Но я также знаю, что не делала ничего, чего не делали бы другие родители. Все поступили бы схожим образом. Меня уже обвиняют в этом. Люди говорят, что я безответственная. – Я вытираю глаза тыльной стороной ладони.

– Кто вас обвиняет? – спрашивает детектив Роулингс, ловко вытаскивая из коробки бумажный платок и протягивая его через стол. Я беру его и промокаю глаза, зажав платок в руке.

– Друзья. Незнакомцы. Кто угодно стремится выпрыгнуть на подмостки и выступить, не так ли? Они думают, что это их право – комментировать то, какая я мать, даже если они никогда не слышали обо мне раньше.

– Сила Интернета, – заявляет Роулингс.

– И те люди, о которых я думала, что они мои друзья, – это те, чья реакция жалит больше всего. В дни после праздника их молчание оказалось оглушительным.

– С реакцией Гарриет, наверно, тоже было трудно справиться? – спрашивает детектив, резко поворачивая разговор, как будто я не имею права жалеть себя. – Ее молчание, должно быть, заставляло вас интересоваться, о чем она думает?

– Так и было. Я хотела бы, чтобы Гарриет накричала на меня и сказала, что ненавидит меня, но она так не сделала, и от этого стало еще хуже. Гарриет отказалась меня видеть. – Я смотрю детективу Роулингс в глаза. – И это оказалось намного сложнее, – признаю я. – Я видела, как она убивается

у себя в гостиной, и я ничего не могла сделать, чтобы как-то ей помочь.

Слезы стекают по моему лицу, и чем больше я их вытираю, тем сильнее они бегут.

– Но Брайан был более прямолинеен? – говорит детектив. – Вы ожидали от него такой реакции?

– Я не знала, чего ожидать. Я виделась с ним не так уж много раз, и гораздо меньше в последние годы. – Я подозревала, что Гарриет считала неуместным приводить Брайана с собой после того, как мы расстались с Томом, хотя я и пыталась заверить ее, что ему здесь всегда рады.

– Итак, даже несмотря на то, что вы стали такими хорошими подругами с Гарриет, вы никогда толком не знали ее мужа? – спрашивает детектив Роулингс, наклоняясь вперед на своем стуле. Ее глаза по-прежнему спокойны, когда она смотрит на меня.

– Нет. Наша с Гарриет дружба не касалась ни его, ни моего бывшего мужа, когда мы с ним еще были вместе.

– Это необычно. – Она продолжает смотреть мне прямо в глаза, положив руки на стол перед собой. – Вам так не кажется?

Я открываю рот, чтобы ответить – нет, не кажется, но вместо этого говорю:

– Теперь, пожалуйста, не могли бы мы сделать перерыв? Я бы хотела воспользоваться туалетом.

– Да, конечно. – Детектив Роулингс отодвигает свой стул

и жестом указывает на дверь. – И угощайтесь чаем или кофе, – добавляет она, и на мгновение я признательна ей за доброжелательность. Однако когда я выхожу из комнаты, то понимаю, что на самом деле она мило болтает со мной только потому, что еще многое хочет узнать.

Некоторое время назад

Гарриет

В ту первую ночь Гарриет не спала, а если и задремала, то лишь за несколько минут и почти сразу проснулась, вся мокрая от пота и взволнованная от видений, которые не могла вытряхнуть из головы.

Она лежала поверх покрывала на протяжении всех этих бесконечных часов темноты, уставившись в потолок, постоянно думая о пустой комнате Алисы рядом. Не прошло еще ни одной ночи, чтобы она не уложила свою дочь в постель, не поцеловала ее на сон грядущий, не прокралась проведать, перед тем как самой лечь спать. Неудивительно, что теперь она не могла заснуть.

Ранее вечером, пока Брайан был всё еще внизу, Ангела подходила к спальне Гарриет, предлагая позвонить врачу, чтобы узнать, может ли он привезти снотворное. Гарриет энергично помотала головой. Нет, она определенно не хотела таблеток. Она предпочла бы не спать всю ночь, мучая се-

бя, чем пребывать в отключке, за много миль от реальности.

– Спасибо вам, что задержались так допоздна, – сказала она Ангеле, благодарная за то, что та всё еще здесь.

– Право, не стоит, – отмахнулась Ангела. «В конце концов, это ее работа», – с грустью подумала Гарриет, но всё равно ей было спокойней от присутствия Ангелы в доме. Офицер отвлекла ее мысли от Брайана, вышагивающего туда-сюда по половицам этажом ниже.

– Я обещала Алисе, что всегда буду защищать ее, – тихо произнесла Гарриет. – Но выходит, что у меня не получилось?

Ангела наклонилась и коснулась ее руки.

– Старайтесь не думать об этом, Гарриет. Здесь нет вашей вины.

Гарриет интересовало, скажет ли Ангела то же самое и Брайану, потому что она чувствовала – муж винит ее за то, что она оставила Алису с Шарлоттой. Он знал, что уж Гарриет никогда не выпустила бы Алису из виду.

Были ли ее тревоги об Алисе врожденными, инстинктивными? Она задумалась. Стала бы она, Гарриет, другим типом матери, если бы отец по-прежнему был с ними, смягчая способы воспитания ее собственной мамы? Только ли уроки ее матери повлияли на то, что она превратилась в такой же удивительный пример гиперопеки?

– Мне чудится лицо Алисы. – Слезы ползли вниз по щекам Гарриет, неприятно сливаясь в ручей в изгибе шеи, но

она не сделала ни одного движения, чтобы стереть их.

– Чувство вины – очень разрушительная вещь, – сказала Ангела. – Вы не должны позволять ему захватить вас. Вы не можете изменить того, что произошло. Никто не в силах предвидеть такого.

Такого – как пропажа моей дочери, подумала Гарриет. Вне зависимости от слов Ангелы чувство вины будет продолжать зарываться глубоко ей под кожу и зудеть там до тех пор, пока однажды она не сойдет с ума. Она была уверена в этом.

Но когда Гарриет пыталась не думать об Алисе, нежелательные мысли о Шарлотте заполняли ее голову. Шарлотта в своей теплой, большой кровати, в уютной спальне со стенами цвета морской волны и маленькими пуховыми подушечками, аккуратно выстроенными в линию вдоль больших подушек. Гарриет подумала – как чувствует себя Шарлотта, зная, что ее собственные дети благополучно спят в соседних комнатах? Получает ли она от этого утешение, даже если сама не признает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.